

Врачебные [секреты]

Елена Арсеньева

МУЖЧИНА
В ПРОБИРКЕ

Елена Арсеньева
Мужчина в пробирке
Серия «Врачебные секреты»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936565

Мужчина в пробирке : роман / Елена Арсеньева: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57899-3

Аннотация

С некоторых пор врач «Скорой помощи» Артем Васильев чувствует нечто странное. Или он сам сошел с ума, или практически все его недавние пациенты одновременно спятили! То здоровый мужчина вдруг начинает уверять врачей, что он – женщина, и рыдает, как истеричная институтка. То нежная, милая, очаровательная девушка, открыв изящный ротик, выражается хуже любого пьяного грузчика и утверждает: она – это ОН! То есть мужчина! Эпидемия в городе, что ли?! И у всех «заболевших» есть один общий признак: на предплечье у этих пациентов Артем обнаруживает явный след – то ли укуса, то ли... укола. Пожалуй, придется ему разбираться во всей этой истории. К тому же одна из пациенток, девушка с нежным именем Лиза, считающая себя мужчиной, вызывает в душе Артема именно те чувства, которые настоящий мужчина испытывает только по отношению к настоящей женщине!

Елена Арсеньева

Мужчина в пробирке

Вечен ли вечный двигатель? (Интересный вопрос)

Вернулись – как чужие. Вика демонстративно сняла пальто сама, хотя обычно столь же демонстративно ждала, пока ей поможет Артем, скинула сапоги, сразу прошла в кухню и закрыла за собой дверь. Он услышал, как зашумел чайник, но закрытая дверь явно подразумевала, что ему чаю не дадут. А чаю хотелось ужасно – в горле пересохло, и аж сердце закололо: всю дорогу ему приходилось убеждать Вику, что она ревнует его к березе, к осине, к афишной тумбе – в смысле, к объекту, который никак не может быть объектом для ревности.

Нет, наверное, субъектом. Объектом ревности был он, Артем. А та девушка с веснушками (Вика называла ее конопатой) – кем, если его к ней приревновали? Субъектом, что ли? Да хоть как назови – ревновать не следовало! Девушка была хорошенькая, слов нет, даже очень хорошенькая, – ну и что? Хорошеньких вон сколько, в любую нижегородскую маршрутку войди – и можешь проводить кастинг для конкурса красоты. Хорошеньких и даже красивых много, а Вика – одна. Артем ее любит, но это же не значит, что он должен быть надутым невежей и тухлым дураком во время об-

щения с другими женщинами! Один раз он видел такого – еще пацаном был – в электричке, когда они с дачи возвращались. Они с мамой вошли в Линде: все места, конечно, были заняты, в Тарасихе народ набивался хоть и не до всеобщих стонов и охов, но все же приличная была давка, никто и не думал уступать место. Хотя один мужик все же сделал некое странное движение, словно бы собрался встать... но сидевшая напротив него толстая тетка так и пригвоздила его тяжелым взглядом к сиденью. Лицо его мигом стало виноватым до крайности, а через минуту он словно бы маску натянул – маску тупости и сонливости, – и аж глаза прикрыл, чтобы не видеть худенькой женщины с двумя тяжелыми сумками и пацана с огромной кошелкой: они с мамой волокли на себе урожай. Мамина рука, прижатая к плечу Артема, вдруг начала вздрагивать. Он испуганно покосился на нее: вдруг она плачет, ведь, обидевшись на кого-либо, она всегда все принимала так близко к сердцу! А мама, оказывается, тряслась от смеха – с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться. К счастью, в Киселихе кто-то вышел, место освободилось, они сразу сели, и мама, ставя сумки на пол и тихонько хихикая, сказала:

– Бедный дяденька, как же он перепугался... Тёма, никогда не позволяй ревнивой дуре сесть тебе на шею и «погонять»: отупеешь и тряпкой станешь, сам себя уважать не будешь. Потом спохватишься, да поздно: был мужчина – и весь вышел.

Сколько Артему тогда сравнялось – лет двенадцать, не больше, – а запомнил он эту фразу на всю жизнь. Мама, желавшая сыну мирной семейной жизни и мечтавшая о внуках, даже не подозревала, скольких невест она от него уже отогнала. Стоило какой-либо девушке начать предъявлять на Артема хоть какие-то «безусловные» права, вести себя так, словно он – некое подчиненное недалекое существо, которое ничего в жизни не понимает, любой нажим со стороны жены стерпит с удовольствием и счастлив будет идти у нее на поводке, – как тотчас же в его воображении немедленно возникало тупое, сонное лицо того мужика в электричке, и мамина рука словно бы начинала дрожать на его плече, и... И вкоре у Артема появлялась новая девушка. Он иногда думал: видимо, есть в нем что-то такое, позволяющее женщинам чувствовать себя его хозяйками, господами и, так сказать, владычицами морскими... но как же они, бедные, изумлялись, обнаружив, что он вовсе не так покорен и безропотен, как известный старик из известной сказки... может, потому что он – вовсе не старик? Но время шло и шло, а он все никак не мог найти ту, с кем захотел бы прожить рядышком тридцать лет и три года... да что там, и на три года ни одна не тянула! Неужели и Вика – такая же?..

Нет, нет, только не Вика! Так все хорошо началось, так прекрасно шло, такой у них был замечательный секс, они только начали понимать, как им хорошо вдвоем, и вдруг...

Было ужасно тоскливо на душе, но Артем никак не мог

понять: оттого ли, что Вика так нелепо себя повела, или ему просто чаю выпить охота? Женщины обожают следующее утверждение: мужики – существа ужасно примитивные, у них все на уровне первобытных инстинктов... так вот, у него сейчас и происходило все на этом самом уровне: как будто разбилась драгоценная, прекрасная хрустальная ваза... с чаем!

Вот именно.

А из-за чего все это?! Ну не глупость ли? Всегда он, скажем, терпеть не мог женские шляпки – пережиток какой-то дурацкий! Ему очень нравились красивые платки или шарфы, на самый худой конец – шапочки, но Вике вдруг приспичило: все носят шляпки, это очень модно, надо и ей занять шляпку. Недавно она купила сине-белое клетчатое пальто, на взгляд Артема – жуть, но ей оно нравилось. «Ты ничего не понимаешь!» – это был первейший довод. Ладно, может, и в самом деле – не понимает. Но ясно же, что шляпа для этого пальто должна быть или синей, или белой, причем только – и точно! – таких оттенков синего и белого, как клетки на пальто. Вике же понравилась какая-то кремовая... она ее примеряла, вертелась перед зеркалом, явно наслаждалась видом в зеркале: она – в шляпке! Артем-то как раз не наслаждался, очень даже наоборот, но изо всех сил уверял себя: это потому, что он ничего не понимает, а дурацкий цвет и нелепая для такой ерундовины цена не имеют никакого отношения к его унылому настроению.

Чтобы не завестись и не вступить с любимой женщиной в спор, от которого не будет никакого толка, лишь испорченное у обоих настроение, он тарасился по сторонам и просто диву давался: какими смешными выглядят даже самые красивые женщины, примеряющие шляпки! Какие-то дикие гримасы корчат: щеки втягивают, губы выпячивают, поднимают брови и, смотря на себя в зеркало этак снисходительно и в то же время высокомерно... наверное, воображают, что перед ними стоит какой-нибудь недостойный такой неземной красоты олух, которого тем не менее надо сразить наповал – хотя бы для того, чтобы он заплатил за шляпку. Артем водил глазами по сторонам, сдерживая смех, как вдруг наткнулся на совершенно другое выражение лица. Стоявшая рядом с ним девушка в черном пальто и черной шляпке, глубоко надвинутой на лоб, смотрела на свое отражение весьма скептически. Вообще, ее шляпка напоминала формой бледную поганку Волоконницу Патуйяра (Артем когда-то писал курсовик по ядовитым грибам и не все еще успел забыть) – в тот период, когда шляпка гриба еще не вполне раскрылась и похожа на колокольчик. Строго говоря, можно было бы сразу сказать, что шляпка похожа на колокольчик... если бы эти цветы бывали черными и бархатистыми. С другой стороны, никто не видел и черных бархатистых Волоконниц Патуйяра, так что оба сравнения имели право на существование.

Несмотря на нелепую форму, шляпка девушке ужасно шла. А может, она – шляпка, надо сразу уточнить! – понра-

вилась Артему потому, что у них с мамой хранилась старая, еще двадцатых годов прошлого века, фотография его прабабушки Анны Тимофеевны точно в такой же шляпке. Анна Тимофеевна, в темном платье и в такой же шляпенции, сидела на стуле, а позади стоял ее муж, Артемий Васильевич Васильев, в честь коего и был, как нетрудно догадаться, назван Артем.

В общем, Артем имел как минимум две причины смотреть на черную шляпку с удовольствием. Он и смотрел.

Вдруг девушка заметила, что он на нее таращится, но ничуть не смутилась и не изобразила это дурацкое высокомерно-равнодушное выражение лица, какое принимают женщины, замечая, что их с интересом разглядывает мужчина. Совсем наоборот – она улыбнулась Артему и словно бы спросила его взглядом: «Ну как, идет мне?»

Артем одобрительно кивнул, и в эту минуту какой-то длинноволосый парень в черной замшевой куртке, небрежно зашитой на спине, протиснулся между зеркалами к стеллажу с мужскими шляпами и толкнул девушку так сильно, что она упала бы, если бы Артем не поддержал. А парень даже не оглянулся и исчез за стеллажом.

– Извините, – сказала девушка, отстраняясь от Артема.

– Да вы что, это он должен был извиняться. Нет, пошел себе, как ни в чем не бывало!

– Ничего себе манеры у людей... – слабо улыбнулась девушка, потирая левую руку.

– Вы что-то побледнели, – сказал Артем, разглядывая ее чуть курносое хорошенькое личико с неяркими веснушками. – Больно толкнул?

– Да просто вдруг кольнуло, – сказала она и улыбнулась. – Уже все прошло. Ничего страшного. Спасибо вам.

– Не за что, – улыбнулся и он. – А шляпку обязательно купите. Она вам просто клинически идет!

– Клинически! – прыснула девушка. – Вы доктор?

– Артем! – раздался в это мгновение возмущенный голос Вики. Артем отвернулся и... и увидел на лице подруги такое негодование, что и не удивился, увидев – девушка исчезла за стеллажами. Видимо, она сочла, что так будет безопаснее. А у них с Викторией началась совершенно тупая «выясняловка» отношений, длившаяся до самого их возвращения домой.

А какого, собственно, черта, вдруг с раздражением подумал Артем, он называет эту съемную квартиру, заполненную чужой мебелью, чужими книгами и чужими вещами, запертými в чужих шкафах, домом?! Мысль эта впервые – только сейчас – пришла ему в голову за те три месяца, что они с Викторией решили попробовать пожить вдвоем.

«Хорошо, что-то еще просто попробовали, – мрачно вздохнул он. – Сойтись и расстаться – это куда легче, чем пожениться, да еще и обвенчаться – и потом развестись...»

И тут же он испугался своих мыслей. О чем это он?! Куда забрел? Расстаться с Викторией?

Чепуха! Было бы из-за чего! Из-за какой-то незнакомой

веснушчатой, вернее, конопатой девицы в шляпке а-ля черная Волоконница Патуйяра?!

Надо все это немедленно прекратить. Сейчас он войдет в кухню, обнимет заплаканную, бледную, несчастную Вику (а она явно плачет и переживает, это факт, к гадалке не ходи – он ее не знает, что ли?!) – и они никогда в жизни не будут больше говорить об этом самом незначительном эпизоде в истории их любви.

– Вик... – стукнул Артем ладонью в кухонную дверь, и та немедленно распахнулась.

Вика, раскрасневшаяся от чая (полупустая кружка была зажата в ее руке, как метательный снаряд), стояла на пороге и смотрела на него воинственным, непрощающим взглядом.

– Нет, ты мне скажи! – воскликнула она голосом такой высоты, что он взрезал слух Артема подобно ультразвуку. – Ты с ней раньше встречался, да? До меня? А теперь решил снова с ней начать? И ты назначил ей свиданку в магазине, чтобы надо мной поиздеваться?! Нет, ты мне честно скажи!

И Артем вновь отчетливо ощутил, как возле его руки задрожал мамин локоть...

* * *

– Привет, Ама. Трое.

– Привет, Чико. И у меня трое. Всех проводила, всех отпустила. А ты?

– Ну... почти.

– Что значит почти?

– Ну... я за одной девчонкой не успел. Она в маршрутку села, а у меня машина не завелась.

– Что?!

– Ну что ты кричишь, ну, бывает, знаешь, на каком старье я езжу, у самой-то «Субару» новенькая, а у меня – раздолбаный отцовский «Москвич», он старше меня, ему место на помойке, а я на нем...

– Прекрати! Ты ее упустил? Но это уже второй случай подряд! Вчера было то же самое! Ты соображаешь, что делаешь?! И вчера твой «Москвич» не завелся, и сегодня?! Да надо было бросить его и бежать за той маршруткой, такси хватать, голосовать кому попало!

– Ага! Бросить! А у него противоугонной системы нет, ладно там на полчаса тачку оставить, а тут маршрутка в верхнюю часть города шла, когда бы я вернулся, его бы уже угнали!

– Кому он нужен, слушай, твой «Москвич», ты же сам говорил, ему на помойке место.

– Ага, скажи это моему папаше!

– С твоим папашей мне говорить неинтересно. Я лучше тебе скажу: ты понимаешь, сколько денег мы теряем в каждом случае? Ты способен это понять, Чико?!

– Ну, бабки... да, конечно...

– Скажи честно, Чико, их только двое? Или раньше ты

тоже кого-то упустил, а мне врал? А? Быстро говори!

– Нет, ну ты что, Ама? Все по-честному! Все было ОК!

– ОК... убить тебя мало, ты можешь все дело загубить, понимаешь или нет? Придурок! Зачем я только с тобой связалась! Нашла тоже... Ладно, все, хватит болтать. Давай приезжай немедленно. По пути попытайся вспомнить ту девушку и где все это было. Заодно припомни как следует и того парня, вчерашнего. Надо попытаться их найти.

– Да парня я уже вспомнил, он был таксист. Он сел в «Форд», белый, номер я заметил... 523, кажется.

– Уже лучше. А название парка какое?

– «Сириус» вроде.

– Кажется, вроде... Ты хоть в чем-то уверен?!

– Уверен. Что я зря в это влез.

– Ах зря?! Ну так вылез! Я обойдусь и без тебя. Запросто! Таких, как ты, желающих разбогатеть ни с того ни с сего, знаешь, сколько? Только свисти!

– Ну и свисти!

– Ну и свистну!

– Ну и свисти!

– Ну? Что ты молчишь?

– Ничего. Только если ты меня кинешь, я точно молчать не буду!

– Ты, Чико! Ты что, меня шантажируешь?!

– Нет, ну... ну, типа, да...

– Ох, как я от тебя устала! Мы только-только дело раскру-

тили, а я уже устала. Ладно, в последний раз прощаю. Приезжай. Только не на «Москвиче», я тебя умоляю. Чтоб я о нем больше не слышала, понял?! Ну, что молчишь? Понял?!

– Понял, понял.

– Ты едешь? Или будешь рассусоливать сто лет?

– Не кричи, ежу уде... То есть это, ежу уже... Еду уже!!!

* * *

Приехали поздно, хотя сборы и дорога от подстанции до Оранжевой заняли какие-то семь минут. Даже на крыльях не прилетели бы быстрее, но всяко не успели бы. Человек умер, наверное, еще не долетев до земли. Все-таки девятый этаж...

Говорят, где-то в Америке какой-то счастливчик свалился с сорок седьмого этажа – и остался жив. Конечно, переломал руки-ноги и разбил голову, но выжил. Однако этот человек, лежавший лицом вниз на грязном тротуаре, выжить не мог, и Артем уже заранее передергивался, представляя себе, на что похоже его лицо. Ко многому можно привыкнуть, если ты работаешь реаниматором на «Скорой», но к такому – никак нельзя.

Потрясенные соседи, видевшие падение и вызвавшие «Скорую помощь», стояли поодаль, тихонько переговариваясь.

– С чего это он так шибанулся? – спокойно спросил Иван

Иваныч, видевший на своем фельдшерском веку столько, что Артему и не снилось... впрочем, он надеялся, что ему не будет сниться ничего из многочисленных равнодушных, усталых рассказов Ивана Иваныча. И своих страшных снов вполне хватало! Правда, когда Артем только пришел работать на «Скорую» после института, они снились чаще. Теперь он уже ко многому привык. Но все же оттягивал момент, когда ему придется посмотреть в лицо человека, почему-то сделавшего этот страшный шаг.

То, что он не упал нечаянно, а выбросился, казалось почти бесспорным. С чего бы ему иначе в эту – как бы даже не октябрьскую – несусветную холодищу выходить на балкон, перевешиваться через перила... ничего внизу не было, на что ему понадобилось бы непременно посмотреть, двор не загромождали машины... хотя, конечно, всякое могло случиться. Собрался человек на работу – надел отличный дорогой костюм, рубашку с галстуком (длинная тряпка плавала в луже уже густеющей крови, натекающей из размозженной головы), ботинки на толстой протекторной подошве, – и вдруг, скажем, закружилась у него голова. Он вышел на балкон – глотнуть свежего воздуха, потерял равновесие – и...

– Мать честная! – воскликнул вдруг Иван Иваныч. – Артем Сергеевич, ты только глянь!

Он наклонился и осторожно вытащил из-под трупа нелепо согнутую руку.

– погоди, не трогай, – предостерегающе сказал Артем, –

милиция должна...

И осекся. Он увидел то, что чуть раньше заметил Иван Иваныч. Судорожно стиснутыми пальцами разбившийся мужчина сжимал что-то шелковое, алое, кружевное.

– Да чтоб мне провалиться! – пробормотал Иван Иваныч. – Да это ж бабы труселя!

Кажется, он не ошибся.

– Да ё-моё! – в сердцах воскликнул фельдшер. – Из-за бабы?! Такую смерть – из-за бабы?!

– Кто-нибудь знает, где работает его жена? Надо ей позвонить, – сказал Артем, поворачиваясь к группке соседей, стоявших поодаль.

Они, наверное, толпились здесь уже довольно давно: забько переминались с ноги на ногу, кто-то уходил, не выдержав напора ветра, хозяйничавшего во дворе, кто-то приходил – наверное, людей одолевало любопытство, – а какой-то мужчина в громоздкой серой куртке вышел из подъезда, посмотрел, вытянув шею, на лежащего и, отведя глаза, ринулся прочь со всех ног. Да, зрелище не для слабонервных: не каждый захочет себе настроение и пищеварение надолго испортить; это врачей со «Скорой» ничем не проймешь, а прочий народ – он-то в большинстве своем чувствительный...

Услышав вопрос Артема, соседи быстро обменялись несколькими словами, а потом из толпы вышел некрасивый, но вполне уверенный в себе коротконогий мужчина в длинном черном пальто и куцей черной кепке.

– Видите ли, к сожалению, мы ничего об этом не знаем, – сказал он обстоятельно. – Этот человек снимал в нашем доме квартиру, причем снял он ее совсем недавно, да, Галина Петровна?

Худая тетка в серой свалывшейся шали и просторной песцовой шубе, накинутой поверх байкового линялого халата и довольно странно сочетавшейся с этим халатом и новенькими войлочными ботами с неумирающим названием «Прощай, молодость!», авторитетно кивнула:

– Пахотины сдали ему квартиру. Недели две тому назад. Я на той же площадке, напротив, живу, а его почти не видела. Мелькнет – и исчезнет. И все – сам по себе. Один. Нелюдимый. Правда, «Скорая» к нему сегодня уже приезжала, так он докторшу с фельдшером сначала не пускал, потом пропустил, но тут же с криком выгнал. Наверное, они адресом ошиблись. А так он тихий был, совсем его не слышно...

– Этой ночью его очень даже слышно было, – сказала другая женщина, в простеньком пальто с облезлой рыжей лисой на воротнике. Волосы у женщины некогда были такими же рыжими, но совершенно так же повылезли и полиняли, как шерсть на воротнике, а если учесть, что черты лица у женщины были остренькие, хитренькие, казалось, что лиса на пальто двухголовая: одна голова – мертвая, со стеклянными глазками-бусинками, а вторая – живая, любопытная. – С полуночи начал по потолку бегать, метаться туда-сюда – это же ужас! Бегал и бегал!

– Вы, Любовь Павловна, выбирайте выражения! – хмыкнула тетка в халате и шубе. – По потолку бегать! Что ж он вам, покойник, – таракан, что ли?! Это же надо – так с русским языком обращаться?!

– А вы, Нина Михайловна, шубу в октябре месяце надели, чтоб всем показать, что она у вас есть, так и молчите, – обиделась Любовь Павловна. – А шуба-то не ваша, а невесткина! Вот она увидит – скажет вам все, что про вас думает, и по-русски, и не по-русски!

Нина Михайловна смерила Любовь Павловну высокомерным взглядом:

– Не скажет! Она мне эту шубу на день рожденья подарила! Вот так-то!

– Обноски с барского плеча, значит, – фыркнула Любовь Павловна, но Нина Михайловна отмахнулась от нее, как от докучливой мухи:

– Ладно, чепуха все это! Бегал покойный по потолку, не бегал – это ерунда, а главное, что ни одной женщины, кроме докторши со «Скорой», я около той квартиры не видела! – Она с брезгливым выражением лица кивнула на алые трусики. – Это ж надо...

– И все-таки дамы у него бывали, это ясно, – сказал Артем. – И возможно, в самом деле именно из-за одной из них он и перегнулся сегодня через перила слишком низко... Но выяснением этого уже не мы будем заниматься.

Он не без облегчения обернулся на заполошный звук си-

рены. Во двор въезжали припоздавшие полицейские.

«Надо спросить на подстанции, кто по этому адресу ездил, – подумал он напоследок. – Может, дело вовсе не в даме? Может, ему врачи что-нибудь сказали... хотя вряд ли, врачи у нас осторожные. Но я спрошу».

Примерно за два месяца до описываемых событий

Когда самолет приземлился во Внуково и пассажирам разрешили выходить, Володька не ринулся, как все, толкаясь, поскорее пробиваться вперед, а сидел в кресле до последнего. Самолет был украинский, он еще как бы связывал его с Одессой, где было так тепло и солнечно, так празднично и прекрасно, так беззаботно и весело, что выходить сейчас в московскую серую, как бы даже и не летнюю сырость и добираться до такой же серой сырости нижегородской ему не хотелось смертельно. Поэтому он и сидел, тянул время, поэтому и за багажом не спешил, и на скоростной поезд, который должен был отвезти его на Киевский вокзал (а оттуда еще ему добираться до Курского!), плелся нога за ногу, и даже обрадовался, что придется ждать полчаса. Это словно бы еще соединяло его с Одессой, с Лонжероновским пляжем и морем, с Горсадом, где до поздней ночи играла музыка, с Дерибасовской, на которой он жил...

На просторной гулкой платформе аэроэкспресса он сел на гнутую холодную скамейку, прислонил к ней чемодан на колесиках и посмотрел на него с сожалением. Чемодан был но-

вый, купленный в Одессе, и Володька ужасно ругал себя сейчас за то, что не успел его упаковать в аэропорту. Сейчас вся его новизна «обшкрябалась», и он ничем не отличался от почти такого же черного, с металлическими заклепками, чемодана, которому небось было сто лет в обед и который стоял чуть поодаль. Вовка с удовольствием вспомнил Привоз, где он купил чемодан (в Одессу он приехал налегке, с одной только небольшой сумкой, а там уж прибарахлился) и сразу нагрузил его потрясающей домашней колбасой – копченой и кровяной – и брынзой – овечьей, козьей и коровьей, соленой и малосольной, – и аккуратно разместил две бутылки одесского вина – белого, «Сухолиманского», и красного, вернее, черного, «Одесского десертного»... нет, правда, оно так и называлось: «Одесское черное десертное 2009 года», и это были самые вкусные вина, какие пил в своей жизни Володька. В фирменном магазине на Екатерининской эти бутылки стоили бешеных денег, а на Привозе удалось взять их задешево. И вообще, чемодан был набит вкуснейшими вещами – за смешное количество гривен, и Володька предвкушал, как через неделю в родной лаборатории он выставит на стол чесночную колбаску, и эти вина, и брынзу, и выложит маленькие изящные помидорки «микадо», и черной, поздней, немыслимо спелой черешни насыплет в пластиковые тарелки... И стажерка Викочка будет смотреть на нее черными, как эта черешня, глазами и будет прихлебывать вино и загадочно, но – в то же время – обещающе улыбаться, а по-

том, может быть, позволит Володьке проводить себя домой, а там... а там неизвестно, что может случиться!

Володька упоенно размышлял о том, что именно может у них случиться с Викочкой, и даже московская сырость показалась ему не такой уж сырой (тем паче что платформа скоростного поезда – крытая, там было довольно-таки тепло), и он совсем было примирился со своим возвращением, если бы не стоявшая рядом тетка в мешковатой серой рубаше и черных джинсах. Ее темно-русые волосы были небрежно заколоты на затылке и напоминали полуразоренное воронье гнездо, а голос был хриплым и ожесточенным, как воронье карканье. Она негромко, но яростно ругала на чем свет стоит какого-то Петра Петровича и уверяла своего собеседника, что ее иллюзии давно исчезли и она готова пойти на все, чтобы поганого Петьку прикончить – как личность и как ученого – физически и морально... И еще как-то она его хотела прикончить, но тут Володька, у которого аж в висках заломило от ее злобного, назойливого голоса, не выдержал и встал, отошел чуть в сторону и с надеждой уставился на поезд: двери вагонов вот-вот должны были открыться. А тетка в серой рубаше все приканчивала – пока что лишь словесно – Петра Петровича, и Володьке его даже жалко стало, и, когда двери вагонов раздвинулись, он метнулся к скамейке, схватил чемоданчик и первым ввинтился в вагон. Выбрал местечко, сел, вытянул ноги и немедленно задремал, а когда проснулся, поезд уже подходил к Киевскому вокзалу. И тут Володька

осознал очень интересную вещь: оказывается, до отхода его поезда оставалось всего сорок пять минут! Странно, почему он не подумал об этом раньше?! Ведь если бы он не ждал аэроэкспресса, успел бы поймать такси! Все же, наверное, не зря завлаб называл его растяпой, ругал, что он вечно все забывает и путает!

«Зато сэкономил! – угрюмо подумал Володька. – На такси – это ж сколько денег надо?! А тут – всего триста рублей. И двадцатка на метро. Надо успеть, хоть ты тресни!»

Он загодя встал у двери и первым вылетел на перрон. И понесся к спуску в подземный переход, который привел его в метро. Поезда долго ждать не пришлось, повезло. Володька нервно отсчитывал остановки и поглядывал на часы... Ох ты! В половине двенадцатого ночи он влетел в зал ожидания Курского вокзала, мазнул взглядом по табло, от волнения не разглядел номер своего поезда и ринулся к справочной:

– Поезд на Нижний Новгород – с какой платформы? В двадцать три пятьдесят?

Тетка в окне справочной покачала головой:

– Да этот поезд с Ярославского уходит! Вы куда смотрели, молодой человек, в билете же русским языком все написано!

Если бы он еще посмотрел в этот билет...

Уныло поплелся Володька его сдавать. Денег вернули какую-то ерунду, рублей тридцать, что ли. Хорошо же он «сэкономил»! Пришлось вывернуть карманы просто до швов, чтобы наскрести на новый билет – на питерский поезд,

который должен был уходить через полтора часа, слава богу, хоть отсюда же, с Курского. Плацкарты, конечно, не оказалось, пришлось разоряться на купе. Еще ладно, свободное место нашлось, пусть и на верхней полке. Если б Володька завтра не вышел на работу, ему бы крепко напощадили. И так опоздает... нет, не опоздает, если прямо с поезда помчится в лабораторию, прямо с чемоданом. А что? В поезде побреется, помоеется, переоденется – у него в чемодане классная новая футболка лежит, вся сплошь исписанная одесскими прикольными изречениями, ее он и наденет. Можно поспорить, что все лабораторные девчонки будут целыми днями на него пялиться, чтобы прочесть эти фразочки: *«Не крутите мне мои фаберже!»*, *«Шоб я видел тебя на одной ноге, а ты меня одним глазом!»*, *«Ой, не надо меня уговаривать, я и так соглашусь!»*, *«Алеша, ша, возьми на полутона ниже!»*, *«Кудой? – Тудой!»*, *«Я понимаю слов!»*, *«Не расчесывай мне нервы!»* – ну и всякое такое. Володька обхохотался, пока их читал! Конечно, на работе все ходят в белых халатах – все-таки какая-никакая, а лаборатория! – но ведь халат можно и не застегивать, и распахнуть...

Один раз Володька уже ездил этим питерским поездом и помнил, что тем, кто садится в Москве, приходится раздеваться и укладываться в темноте, чтобы не будить спящих пассажиров. И он решил положить пакет с зубной пастой, щеткой и бритвой поближе, а заодно вытащить новую футболку, чтобы в поезде развесить ее на плечиках: она ведь мя-

тая небось.

Начал открывать кодовый замок чемодана, но цифры почему-то никак не сходились. Володька отлично помнил, что набрал двести сорок восемь, именно эти цифры – потому что двадцать четвертого августа (а август – восьмой месяц!) у него день рождения. Но замок не реагировал. Володька и так его, и этак... В конце концов возиться ему надоело: «обнулil» он все три окошечка – и замок открылся как миленький.

– Хитрецы-мудрецы! – хмыкнул Володька, дергая молнию. – Да ведь это любой может набрать три нуля и запросто...

Он открыл чемодан и удивленно уставился на пачку одесских газет, лежащих сверху.

– Когда это я покупал газеты? – пробормотал Володька, поднимая их и зачем-то начиная рассматривать по очереди: «Одесский вестник», «Одесская жизнь», «Вечерняя Одесса», «Деловая Одесса», «Порто-франко»...

– Но это же не мои газеты... – растерянно сказал он сам себе, оглядывая прикрытые бумажными листами вещи. – И вещи...

Тут у Володьки перехватило горло, и он еле смог прошептать:

– И вещи тоже не мои...

У него уже не хватило сил договорить: «И чемодан – не мой!»

Оказалось, что другую бригаду медиков на Оранжерейную улицу позавчера никто не вызывал. Артем и у диспетчера Наташи спросил, и потом, украдкой, чтобы ее не обидеть, в журнале посмотрел – не вызывали. Зачем же врачи приезжали к человеку, который вчера выбросился из окна? И почему он их выгнал со скандалом?

Ответ мог быть только один: перепутали адрес, помешали ему в чем-то, он разозлился...

Интересно: соседи сказали полиции, что у самоубийцы были врачи? Если да, кто-то из районного отделения должен появиться на подстанции. А как же иначе? Появятся и найдут, кто у бедняги был, факт!

Дежурство закончилось, Артем собирался домой.

– Доктор Васильев, ты что время тянешь, как будто не хочешь бросить кости на ограду? – спросил Иван Иванович, сидевший на топчане в общем коридоре и пытавшийся приладить оторвавшуюся липучку – застежку ботинка. По имени-отчеству он называл врачей только на вызовах, все остальное время – по фамилии. – Время чего тянешь, говорю? Случилось что-то? С красотулей своей не поладил?

– С чего вы взяли, Иван Иванович? – высокомерно спросил Артем.

– Да со всего, – пожал плечами старый фельдшер. – Рань-

ше ты чуть что – за мобильник хватался и мур-мур-мур по полчасу, а с дежурства летел как ошпаренный... известное дело, утренний «стояк» отдачи требовал! А сейчас не звонишь никуда – уже которое дежурство, с работы не торопишься... Сразу видно – неладные дела!

– У вас какие-то шаблонные представления о том, какие дела ладные, – буркнул Артем. – Просто я... просто она... Просто она работает в учреждении, где личные разговоры в рабочее время не поощряются, понятно?

– Понятно, чего же не понять? – покладисто кивнул Иван Иваныч и осторожно пошевелил ногой в ботинке: удержится ли липучка? Она удержалась, Иван Иваныч встал, шагнул – и тут липучка возьми и отлепись!

– Вот пакость! – сказал фельдшер, снова уселся и снял башмак. – Значит, говоришь, разговоры в рабочее время не поощряются? Так ведь ты ей и в нерабочее время не звонишь, вот штука какая... а сейчас почему домой не мчишься? «Стояк» не стоит?

– Какое вам дело? – рявкнул Артем. – Ну вот какое?!

Загорелось лицо. Отвернулся, схватил сумку, выскочил за дверь...

И замер в маленьком холодном тамбуре, угрюмо привалившись к стенке.

На улице на кого-то зычно лаял Пират. Главный страж ворот!

Охранники на подстанции были – как на подбор, во всех

смыслах, толстые и сонные. Даже фамилии у них были похожи, будто придуманные нарочно: Попков и Бобков. Говорили, их избаловал Пират. Откуда он взялся, никто не знал, просто пришел – и остался, и уже три года жил на подстанции, охраняя ее, как свою собственность. Никто не мог пройти мимо Пирата, ни днем, ни ночью, ни один чужой человек, будь он даже четырежды начальник. Истошным лаем пес предупреждал о появлении постороннего, и тогда все, кто на подстанции был свободен, прилипали к окнам, чтобы посмотреть, как Пират проявляет бдительность. Иногда очень злились диспетчеры: окно «аквариума» выходило во двор, и им приходилось докрикиваться до дремлющего охранника, чтобы тот утихомирил Пирата. Пес не ведал ни сна ни отдыха, службу нес не за страх, а за совесть, и фельдшер Иван Иванович часто говорил, что в прошлой жизни он явно был охранником какой-нибудь высокой персоны, может быть, даже самого товарища Сталина. Или «великого кормчего» Мао Цзэдуна. Так шутил Иван Иваныч.

Чертов Иван Иваныч с его шутками, зло подумал Артем, был кошмарно прав! «Бросить кости на ограду», что на сленге работников «Скорой» означает отдохнуть после вызова, страшно хотелось, слов нет, но... не хотелось идти домой. У них с Викой так и не наладились отношения. Уже дней десять прошло, а они все не помирились. Почти не разговаривали, цепляясь – каждый – за свою гордость и обиду. После той скандальной разборки на кухне Артем там и спал –

на раскладушке. Один раз не выдержал ночью – тот самый «стояк», о котором говорил Иван Иваныч, сделался просто нестерпимым, – но Вика так на него зашипела, начала так биться и толкаться, что он свалился с дивана и поплелся к себе в кухню, натурально как побитый пес. Побитый и шелудивый.

Таких Пират гонял почему зря.

Главное, Артем никак не мог понять: чего Вика хочет? Ну ужели в самом деле она может так долго испытывать приступ совершенно надуманной ревности? Это и злило его, и пугало. Каждый раз, уходя на дежурство, он боялся, что вернется – а Вики нет... Но она не уходила, встречала его скудным завтраком (возвращался-то он утром) и шла на работу. Она нашла какую-то должность в статистическом управлении, Артем толком не знал, как это называется, но Вике нравилась эта работа: приходилось много ходить, общаться с разными людьми, опросы проводить, иногда какие-то глянцево-ые проспекты раздавать... Вика уходила, Артем спал по полдню, а потом по полночи ворочался на раскладушке, не в силах заснуть от того, что он, издеваясь над самим собой, называл «статическим электричеством»... Чуть ли не каждая-то происходила, полная чушь! И сейчас он вдруг подумал, что лучше бы все это хоть как-то разрешилось. Ну, ушла бы от него Вика – и ушла: определенность, пусть даже и самая горькая, лучше этого подвешенного состояния, в котором они оба находились.

Он, может быть, и сделал бы шаг к примирению... то есть он его уже сделал, за что и был сброшен с дивана. Теперь, вообще-то, настала очередь Вики делать этот шаг, но она была все такой же ожесточенной, как в тот день, когда они вернулись из шляпного магазина. Какая муха ее в том магазине укусила? Да разве может быть, чтобы человек за какой-то миг так изменился, превратившись в полную свою противоположность?!

– А может, она хочет, чтобы именно я ушел? – пробормотал Артем себе под нос. – Сама первый шаг сделать не решается, вот и мучает меня. И сама мучается.

Вообще-то, в этом что-то было... А если ему и в самом деле свалить? Но вот вопрос – куда? К маме, что ли? Глупости. Она не в восторге от Вики, но все равно огорчится. Уж так она радовалась, что ее хладнокровный, насмешливый сын наконец-то влюбился, нашел девушку... Артем ни слова не говорил ей про их разлад. А Вика своим родителям говорила? Им Артем не нравился... Наверное, они были бы рады, если бы он ушел.

Нет, а почему он должен уходить-то?! Это он нашел квартиру, он ее оплачивает, он внес деньги вперед за три месяца... До чего же будет глупо, если он опять будет ютиться в их с мамой двушке-хрущевке на Ковалихе, а Вика на три месяца останется в этой просторной однокомнатной квартире новой планировки на Ижорской и углу Республиканской!

И кого-нибудь туда приведет... А может быть, и приводит

уже, пока Артем на дежурстве? Может быть, она просто хочет его выжить? Нашла другого мужчину, а эту идиотскую сцену разыграла нарочно, чтобы Артем разозлился и ушел, оставив ей квартиру?

Нет, нельзя так пошло думать о Вике... но что делать, если думается, хоть ты тресни?! И вот именно что пошло, потому что сцена, которую она устроила, была непроходимо пошлой!

– Елки-палки, но ведь даже если мы теперь помиримся, я все равно не забуду, как все это было ужасно – эти ссоры... я их буду страшно бояться, я буду подвоха от нее все время ожидать! – шепнул самому себе Артем, чувствуя, как тоска берет его за горло. Они еще не женаты, они и знакомы-то всего ничего, а ему уже до смерти неохота возвращаться домой, где его ждет Вика!

Дверь распахнулась, и Артем ринулся было прочь из тамбура, потому что на пороге оказался человек, которого он меньше всего хотел сейчас увидеть.

Иван Иванович! Сейчас как ляпнет что-нибудь эдакое, циничное...

– Доктор Васильев, я так и знал, что ты еще тут, – сказал Иван Иванович. – Мимо окна не проходил – значит, в тамбуре топчешься. Давай возвращайся, Петька Симонов шел на работу, упал, очнулся – гипс... то есть гипса еще нет, он потащился в травмпункт; но факт тот, что в пятой бригаде терапевта теперь нету, так что придется, сам понимаешь... – Он

развел руками и вдруг захохотал.

Артем знал – почему. Наверное, и в самом деле смешно видеть, как на его физиономии – физиономии человека, которому после суточного дежурства придется не домой возвращаться, а на вторые сутки заступать, – расплывается радостная и даже, можно сказать, счастливая улыбка.

– Не радуйся так сильно, трудоголик ты наш, – сказал ехидный Иван Иванович. – В ночь тебя Шестакова сменит, так что только до вечера ты будешь блаженствовать на вызовах.

* * *

Квартиру Мокрушин снял за какие-то пятнадцать минут. Увидел объявление на столбе: «*Квартира – часы, дни, недели*» – и позвонил по указанному телефону. Очень вежливый мужской голос поинтересовался, командированный он или местный житель (Мокрушин назвал, конечно, командированным, потому что местным жителем не был всяко), нужна ли квартира для проживания или развлечений (для проживания, правдиво ответил Мокрушин, потому что сейчас ему было совершенно не до развлечений), гарантирует ли он чистоту и порядок (а кто сказал бы «нет»?), потом сообщил размер оплаты за неделю, обговорил сумму залогового взноса (на случай какой-нибудь бытовой аварии) и дал адрес. Объяснил, как добраться. Оказалось, что в данный момент Мокрушин стоит практически в двух кварталах от дома, где

находилась эта квартира.

Это была замшелая «хрущоба», во дворах, неподалеку от улицы Ванеева.

Встретил его хлипкий молодой человек с невыразительной физиономией. Трудно было понять, поверил ли он тому, что Мокрушин рассказал о себе, или нет: все свои догадки хозяин держал при себе, глаза его оставались вежливыми и равнодушными. Квартира оказалась совершенно безликой: разномастная мебель – такое ощущение, что она была куплена по случаю, расставленная абы как, простенький ремонт... Все-таки была большая разница с той квартирой, которую снял «от хозяев» Жданков, – там хоть живым чем-то пахло. Мокрушину там нравилось – именно из-за этого ощущения живой жизни, нравились вещи, забытые хозяевами в укромных уголках, завалившиеся за диван, за шкаф, как, например, те пресловутые алые трусики, которые так шарахнули Жданкова... А эта квартира почему-то напомнила ему временную камеру пересылки, ну, правда, чистую, обставленную по-людски, но – такую же времянку.

Да ладно, какая разница! Главное – есть где перебыть, переждать, затаившись, и подумать, как жить дальше, после того как Жданков подложил ему такую грандиозную свинью, скovyрнувшись с балкона. От мысли, что он сам невольно Жданкова на этот шаг толкнул, Мокрушин старательно отмахивался. Кто, ну кто мог предположить, что он таким идиотом окажется?! Мало того, что с катушек съехал, так еще и

выкинулся с балкона!

А ведь Мокрушин был в Жданкове уверен, как в самом себе! Вот, думал, зря не верят в благодарность людскую, в верность... Полгода тому назад он спас Жданкова на зоне – и получил в свое распоряжение настоящего пса, верного и преданного. Когда Мокрушин отогнал от него двух насильников, пожелавших сначала сделать Жданкова «Машкой», а потом убить, тот на коленях перед ним ползал, руки целовал и клялся, что теперь все, все для него сделает, жизнь положит, чтобы добром Мокрушину отплатить, и все такое. Дураку было невдомек, что «насильники» были куплены самим Мокрушиным, потому что ему до зарезу был нужен человек, который станет его псом и бессловесным рабом. Причем человек из тех, кто скоро выйдет на свободу. Жданков подходил по всем статьям – Мокрушин к нему давно присматривался.

Жданков освободился на три месяца раньше, и Мокрушин послал его в Нижний – наводить мосты. Жданков и не подумал ослушаться, осесть в родной Самаре – побыл в семье месяц-другой и покорно отправился в Нижний Новгород, помогать своему спасителю в его поисках.

Мокрушин искал свои деньги. Два года тому назад, когда его посадили, они были надежно припрятаны на счету одного из нижегородских банков: украденные деньги, понемножку снимаемые со счетов мелких и крупных компаний – за незначительные услуги то мобильной связи, то за какие-то

несуществующие электронные рассылки, то за организацию рекламы за рубежом... это была полная туфта, конечно, но суммы были невелики, не более десяти тысяч... что такое десять тысяч рублей для Приволжского отделения Газпрома, к примеру?! – а курочка по зернышку клюет... Мошенничал он и в Интернете – предлагал услуги, которые заведомо не мог выполнить, и товары, которые не мог продать, – грошовые, по сути, услуги фиктивного интернет-магазина, который переставал существовать тотчас, как были оплачены десяток-другой покупок, которых, ему понятно, не имелось на складе, ибо склада не существовало как такового. Один магазин закрывался, открывался второй... дело было хлопотное, но, если такими делами заниматься всерьез, без лени, – надежное и верное. Разумеется, переводы не шли прямым путем на его счет, Мокрушин хорошо замаскировал все подходы к нему, и вся эта мелочь пузатая, совершив переходы по трем-четырем банкам, наконец оседала там, где ей и было положено. Смешнее всего, что крупные организации по некоторым счетам платили автоматически... по привычке, так сказать. Эти платежи длились годами, на них уже не обращали внимания – именно из-за мизерных сумм. Очень может быть, что деньги продолжают притекать и поныне. Ведь угодил за решетку Мокрушин вовсе не из-за своих финансовых махинаций, а из-за глупой пьяной ссоры, выросшей в драку, а драка закончилась членовредительством и превышением необходимой обороны. Мокрушин сел по сто восьмой ста-

ть, два года отбыл – от звонка до звонка, но, хоть конфискации имущества не было, он не сомневался, что номера его начальных пересылочных счетов уже известны полиции. И если бы кто-то задался целью их проверить... ему легко было бы зацепиться за адреса прихода и ухода денег. Вот тогда Мокрушин точно влип бы, и уже не на два года...

Срок действия банковской карты закончился. Новую заводить было неосторожно. И вот тут он надеялся на Жданкова...

Примерно за два месяца до описываемых событий

– Вот, – сказала Ольга Владимировна, – это Настя. Очень многообещающий молодой специалист. В прошлом году был конкурс на лучшего по профессии среди молодых библиотекарей, и Настя заняла второе место!

– Да? – с воодушевлением откликнулась журналистка, поворачиваясь к Насте, и... на ее лице мгновенно появилось скучающее выражение. – Надо же... а почему второе, а не первое?

«Потому что первое место заняла племянница жены замминистра культуры области», – подумала Ольга Владимировна, а вслух сказала:

– Это был большой конкурс, десять призовых мест, так что второе – тоже очень, очень хорошо!

«Потому, что не надо было меня посылать на этот конкурс, – с привычным унынием подумала Настя. – У меня ни-

когда ничего не получается... где уж мне... тем более – первое место!» Но вслух она ничего не сказала и голову опустила, чтобы не видеть пренебрежения в глазах журналистки. Наверное, она тоже думала, что Насте первого места вовек не получить ни в чем, для нее и второе – слишком хорошо, обошлась бы десятым или даже одиннадцатым!

Конечно, она права. Журналистка-то еще совсем молодая девчонка, даже младше Насти, ей лет двадцать, не больше, а она – уже корреспондент газеты «Новости Поволжья» и пришла писать статью о работе районной библиотеки! И сразу видно, что она хоть и плоская, и без талии, и курносая, и глаза у нее узкие, а собою совершенно довольна: и своей суперкороткой стрижкой с разлохмаченными прядями над лбом... Желание отрезать, наконец, свою дурацкую косу овладело Настей с такой силой, что хоть прямо сейчас хватай со стола библиотечные ножницы! Только ведь Ольга Владимировна не даст, как всю жизнь не позволяли ей это сделать бабушка, а потом мама, а теперь и тетя Оксана к ним присоединилась, потому что Настя у нее живет!

– Ну, отлично, – отозвалась корреспондентка, которая, между прочим, была ее тезкой. Но представилась-то она Анастасией Красавиной, и Настя с ужасом вообразила, как в ее статье будет описана зачуханная библиотекаряша Настя Камушкина...

– Ольга Владимировна, – прошептала она, еле сдерживая слезы обиды на жизнь и судьбу (вообще-то, Настя уже как-то

притерпелась к тому, что она – неудачница, но сейчас прямо к горлу вдруг подступило – сил нет!), – давайте лучше Валентину позовем, пусть про нее напишут.

– Нет! – нахмурилась Ольга Владимировна. – Валентину мы звать не будем!

– А кто такая Валентина? – насторожилась Анастасия Красавина. – Тоже молодая сотрудница? Позовите ее, может, эта Валентина поин...

Она осеклась, однако Настя и так поняла, что хотела сказать Анастасия: «Может, эта Валентина поинтереснее окажется, чем ваша тухлая Настя?»

Ну, конечно, тухлой она Настю не назвала бы, но подумала бы именно так, это точно!

– Нет! – вновь нахмурилась Ольга Владимировна. – Если кто и заслужил, чтобы про него в газете написали, так это Настя! Она из семьи потомственных библиотекарей, у нее даже прабабушка библиотекарем была, а потом и бабушка, и мама... у них вообще все женщины идут в библиотечные работники, причем именно в сельских библиотеках, вот только Настина тетя изменила семейной традиции и...

Тут Ольга Владимировна прикусила язык и виновато посмотрела на Настю, потому что знала: Настя о тете Оксане терпеть не может говорить.

– Ну и что ваша тетя? – лениво спросила Анастасия Красавина, доставая из сумки блокнот и ручку и, видимо, смирившись, что придется ей писать не про интересную Вален-

тину, а про тухлую Настю с ее потомственной библиотечной родословной. – Она изменила семейной традиции и стала – кем? Продавцом в супермаркете? Или капитаном дальнего плавания?

– Она стала врачом, – сдержанно ответила Ольга Владимировна. – Занимается нетрадиционной медициной.

– Снимает порчу и всякое такое, теперь таких шарлатанов называют народными целителями. А раньше их просто ведьмами звали, – послышался ленивый голос, на который все, конечно, обернулись, чтобы увидеть высоченную длинноногую брюнетку с блестящими гладкими волосами и черными глазищами. – Продает людям всякую туфту под видом лекарств и морочит им голову.

– Валентина, прекратите! – прошипела Ольга Владимировна.

– Ага, значит, вы и есть Валентина? – несколько оживилась Анастасия Красавина. – И что, ваши родители – тоже потомственные библиотекари?

– Да нет, отец – бизнесмен, у мамы магазин косметики... если хотите, дам вам дисконтную карту, будет скидка, – блеснула она яркими глазами, и Анастасия Красавина блеснула своими – в ответ.

– Странно, что вы в библиотеку пошли работать, – удивилась журналистка.

– Да я тут на практике, – лениво улыбнулась Валентина. – Отец хочет, чтобы у меня корочки были, а потом, конечно,

я маме помогать буду.

– Тогда, наверное, вам надо было в торговый идти, ну, на менеджера учиться, что ли, – не унималась Анастасия.

Настя покосилась на Ольгу Владимировну и поняла – та едва сдерживается, чтобы не ляпнуть: никуда, кроме как на платное отделение библиотечного факультета, Валентину просто не взяли бы из-за ее непроходимой тупости, и в тот день, когда она станет помогать своей маме, бизнес этой самой мамы накроется медным тазом. Вся надежда на иной исход дела связана только с непроходимой ленью Вали. Но Ольга Владимировна все же промолчала – из чувства библиотечного патриотизма.

– Мне очень нравится учиться, и работа эта тоже нравится, – не моргнув глазом, соврала Валентина, и Анастасия Красавина радостно улыбнулась:

– Ну что же, ваша фотография будет отлично смотреться в газете! Я вас сниму на фоне полок с этим ярким плакатом: «Выставка редких книг, сокровищ нашей библиотеки». – И она достала айфон, которым, видимо, и собралась запечатлеть для газеты Валентину.

– Придется поискать для Валентины другой фон, – мстительно проговорила Ольга Владимировна. – Поскольку *эту* выставку подготовила Настя! Как и три другие, которые у нас работают.

Анастасия Красавина вздохнула, покоряясь и понимая, что никуда не денешься – придется ей писать о той именно

девушке, которую хочет увидеть прославленной эта занудная заведующая:

– Ну ладно, я их вместе сфотографирую, идет? И в статье о библиотеке упомяну обеих. Становитесь сюда, девушки! И улыбайтесь!

– Давай, Настя, ну, давай же, что ты сидишь! – засуетилась Ольга Владимировна, выталкивая Настю из-за стола, и она обреченно побрела к полкам с плакатом, совершенно точно зная, что увидят читатели на фото: интересную Валентину, яркий плакат, стеллаж с редкими книжками – и пустое место по имени Настя Камушкина.

* * *

– Да к этой Ирине Филимоновне мы уже замучились кататься, – зевнула фельдшерица Галя. – Вы, Артем Сергеевич, только на реанимацию выезжаете, а мы же по всякому вызову – всегда готовы! У нас такие постоянные клиенты есть. Они нас вызывают из любви к искусству. В смысле, к процессу. Нет, формально они имеют на это право, тем более что в таком возрасте у человека накапливается вагон законных болячек... Но честное слово, спорю на что хотите: сейчас мы по холоду тащимся просто для того, чтобы Ирине Филимоновне давление померить, в лучшем случае – укольчик сделать.

– Работа у нас такая, работа наша простая, – тихонько про-

пел Артем и зевнул.

Насчет постоянных клиентов – этого добра у реаниматоров тоже хватает. Особенно зимой, когда сердобольные прохожие то и дело вызывают «Скорую» к отмороженным бомжам. Иной раз за сезон раза три-четыре с одним таким типом встретишься, а потом и на другой год – те же «подснежники» цветут. По нормальному человеку уже и сороковины, и години справили бы, а этим хоть трава не расти. Живучий народ – бомжи! Или, к примеру, тридцатилетняя Эля, бывшая учительница физики: у нее в укромном кармане затасканной, несусветно грязной куртки всегда имеется паспорт и красный – заметьте! – диплом. К ней уже три года, с регулярностью раз месяца в три, добрые люди реаниматоров вызывают, когда она опять завалится спать на улице с мертво-бледным лицом. С другой стороны, у парикмахеров, к примеру, тоже постоянные клиенты есть – почему бы им не быть и у реаниматоров? Чем они хуже?

Галя оказалась права. И давление они померили женщине, и укольчик ей сделали. Ирина Филимоновна, благообразная бабуля (семьдесят восемь годков) в бордовом новеньком халатике и белом платочке на чистенькой голове, с виноватой улыбкой причитала:

– Ноги замерзли, Галочка, и вы, молодой человек, как ваше... ах, Артем Сергеич? А я Ирина Филимоновна, будем знакомы. Ноги, говорю, замерзли, сил нет терпеть, ну что делать?! И одни носки, и еще пару надела – нет, холодные ноги!

Попарила с утра в горчичке, согрелась, но, чувствую, что-то не то, как-то мне не по себе... Выпила свои таблеточки – нет, не полегчало. И голова тяжелая. Вспомнила – да я уж сколько дней ее не мыла! А мне раньше всегда лучше становилось, когда я голову вымою. Ну, я под душ горяченький и встала, аж пар от меня пошел! Нет, опять худо... Вот, пришлось вас вызывать. Вы мне чего-нибудь новенькое выпишете, да?

– Я так понимаю, – сказал Артем, глядя на левую руку Ирины Филимоновны, которой та двигала как-то замедленно, – у вас некоторое время тому назад был инсульт?

– Был, как не быть! – встрепенулась бабуля. – Три с половиной года назад.

– Нельзя вам ноги в горчице парить, вы что такое с собой делаете?! А голову горячей водой мыть?! Аж пар пошел, главное! Что же удивительного, что у вас за сто семьдесят верхнее давление поднялось! А хватил бы вас опять инсульт?! Вы же одна живете, я верно понимаю?

– Одна, – закивала Ирина Филимоновна, – одна. Но у меня соседи хорошие. Со всех сторон. Чуткие! Если что надо – я сразу шваброй стучу. По полу – прибежит Павлик. В кухонную стенку – Игорь Федорович придет. Вот в эту стенку – Аннушка. В потолок – Лиза... Хотя нет, Лиза теперь вряд ли придет.

Ирина Филимоновна поджала губы и насупилась.

– Что, поссорились? – рассеянно спросил Артем, думая, что бы такого новенького бабуле выписать.

Тумбочка, стоявшая около кровати, и так завалена коробочками и баночками с лекарствами. Сколько ж у нее денег на аптеку уходит, интересно? И неужели она все это принимает?! Железная бабка, это поколение вообще железное. Военное детство, послевоенная юность – а они как огурцы! Это ж надо – человек после инсульта, со скачками давления, парит ноги в горчице! Моет голову чуть ли не кипятком! В музей таких бабок надо еще при жизни сдавать! На устрашение грядущим поколениям.

– Да не ссорились мы, просто Лиза вдруг такая странная стала! Была милая, ну, просто прелесть: и газеты мне купит, и за телефон заплатит, и в магазин зайдет... А вчера мне надо было «Литературную газету» купить, как раз она выходит, никак нельзя газету пропустить, я Лизе в потолок стучу – не идет. А главное, знаю я, что дома она, слышу – ходит там у себя. Я звоню: Лизочка, мол, мне «Литературку» бы... А она таким грубым голосом: «Я болею, никуда не пойду!» И трубку – шварк! Я прямо удивилась – что такое?! Никогда она со мной так не разговаривала! Потом, примерно через полчаса, подхожу к окну цветы полить – батюшки, а болящая-то наша Лизавета бежит куда-то сломя голову через двор! Ну и ну, думаю! Болеет, главное! Прямо не знаю, что с ней случилось, была всегда такая любезная, а тут...

– Ну, мало ли, – миролюбиво сказала Галя, – может быть, она за лекарствами пошла. Она замужем?

– Нет, не замужем, одна живет.

– Ну вот видите. Попросить ей некого. Поплохело ей, и побежала она в аптеку или в поликлинику. Конечно, когда болеешь, тут не до газет.

– Да не болела она, – отмахнулась Ирина Филимоновна. – С чего бы ей болеть?

– Ноги, может, в горчице попарила, – буркнул Артем себе под нос.

Галя хрюкнула от смеха, но хозяйка, к счастью, ничего не услышала.

– Какая болезнь?! – возмутилась она. – Если я больная, я «Скорую» вызываю! И встречаю вас со всем моим уважением. А когда к ней приехали врачи – она их матом-перематом!

– В смысле? – рассеянно спросил Артем, выписывая бабке ариффон. Кажется, это единственное, чего еще не было на тумбочке Ирины Филимоновны. Ничего, пусть попьет, улучшит свое, грубо говоря, мозговое кровообращение.

– Да в прямом! – всплеснула руками бабка. – Это уже вечером было. Я как раз цветы поливала...

Галя опять хрюкнула.

Понятно. Половину дня Ирина Филимоновна проводила у окна, поливая цветы, – видимо, у нее там рис высажен, только рис настолько влаголюбив! – и наблюдая за течением дворовой жизни. Ну что ж, тоже развлечение, не все ж в телевизор пялиться! Такие дамы все видят, все знают. В случае чего они первейшие подспорья для участкового и полиции.

В доме, где сейчас жил Артем, тоже имелась такая да-

мочка – Элла Анатольевна. Женщина, у которой Артем снял квартиру, сообщила, что Эллиу Анатольевну прозвали «Смерть шпионам» за ее патологическую внимательность.

Все видит. Все слышит!

– Смотрю – подъезжает такси, – продолжала между тем Ирина Филимоновна, – оттуда вылезли двое, мужчина и женщина, куртки, как у вас, синие с серым, «Скорая помощь»...

– С каких это пор «Скорая» такси нанимает? – удивился Артем.

– Может, машина у них сломалась, они поймали такси и поехали, – предположила Ирина Филимоновна. – А?

Артем и Галя переглянулись и разом пожали плечами. Нет, теоретически, конечно, можно что угодно допустить... но практически... воображения решительно не хватает – представить такое!

Впрочем, Ирину Филимоновну качество их воображения совершенно не интересовало. Она с упоением рассказывала:

– Я слышала, как они поднимаются. О чем-то говорили, спорили... Не слышала о чем. Думаю: к кому идут, кто заболел? Выглянула на площадку – батюшки, а они уже в Лизину дверь звонят. «Скорую», говорят, вызывали? А она кричит, как истеричка: «Никого я не вызывала!» Женщина – врач, голос такой убедительный, – говорит, как же так, дескать, ваш адрес нам дали, значит, вызывали. Лиза опять кричит: нет! А докторша: да вы не волнуйтесь, мол, я же чувствую, что вам помощь нужна, мы вам поможем, откройте! Она от-

крыла. Я думаю: ну надо же, а ведь и правда девка заболела, зря я на нее обиделась. Надо, думаю, сходить к ней. Стала собираться – не могу телефон найти свой сотовый, а я без него из дому ни ногой, вдруг кто-то позвонит, а я не отвечу, как же так? Ну, сколько я его проискала, минут пять, может... смотрю, вот же напасть, а он у меня в кармане халата лежит! Накинула платок, начала дверь открывать, вдруг слышу – на верхней площадке грохот какой-то, а это Лиза дверью о косяк грохнула, распахнула ее, значит, и орет не своим голосом: убирайтесь, орет, ничего мне от вас не нужно, я вам не верю! Убирайтесь! И матом таким... так мужики матерятся, но чтоб приличная девушка... Я прямо не знаю, до чего это докатиться надо! Выгнала их, они на лифте спустились – и пошли со двора. А Лиза – ну по потолку бегать!

– Это как же?! – изумилась Галя, воздевая очи горé.

– Ну, не по моему потолку, конечно, – снисходительно пожала плечами Ирина Филимоновна. – Но она же надо мной живет, мне каждый шаг слышно! Она всю ночь туда-сюда топотала, я вообще глаз не могла сомкнуть, уж и стучала ей, и звонила – бесполезно, трубку не берет, а сама – туда-сюда, туда-сюда! И утром тоже... Вот только полчаса назад притихла.

– Галя, быстро, пошли! – скомандовал Артем и бросился к двери.

– Что такое, Артем Сергеевич?! – захлопала глазами Галя, но он уже выскочил на площадку и помчался вверх по

лестнице.

Врачи со странной «Скорой»... соседка, которая всю ночь «бегает по потолку»... такое уже было – буквально вчера, в том дворе, где на грязном асфальте лежал человек с разможенной головой. Может быть, и нет никакого сходства между этими двумя случаями, может быть, Артему все мерещится, как перепуганной старухе, но пусть лучше он будет такой старухой – главное, чтобы та женщина в квартире наверху была еще жива, чтобы...

Он воткнул палец в кнопку звонка с такой силой, что чуть ноготь не сорвал. Шипя от боли, нажал другим пальцем, потом стукнул по двери кулаком – и настороженно замер, когда она вдруг начала медленно приотворяться.

* * *

Женька проснулась, когда еще только чуть забрезжило, и немножко полежала с закрытыми глазами, пытаясь поймать уплывающий сон. Снилось ей что-то ужасно хорошее, спокойное и мирное, а что – она не могла вспомнить, как ни старалась. Так всегда бывает, когда пытаешься вернуться в сон: вроде бы вот он, еще перед глазами, а чем больше напрягаешь память, тем дальше он отплывает. Все-таки Женьке удалось припомнить необыкновенно красивую, уютную комнату: картины на стенах, много цветов в больших прозрачных вазах, шелковый розовый халат, брошенный на спинку раз-

лапистого мягкого кресла, стоявшего рядом с ее кроватью...

Все еще не открывая глаз, она протянула руку, чтобы взять халат с кресла, но пальцы ее наткнулись на что-то жесткое.

Она открыла глаза и повернула голову. В бледном рассветном сумраке стал виден потертый стул, стоявший у кровати, на нем кучкой брошена одежда: широкие линялые штаны до колен и тельняшка. Под стулом стояли разношенные пластиковые шлепки.

– Чушь какая, – проворчала Женька. – С ума я сошла, что ли, – в такой жути ходить?!

Она встала с постели, включила свет и с отвращением, словно чужое жилье, оглядела свою комнату.

Почему здесь так голо, неудобно? Почему на книжной полке валяются детективы в черно-красных мрачных обложках? Почему на стойке у зеркала стоит одеколон в некрасивом плоском флаконе с оборванной этикеткой и уродливый голубой пластмассовый цветок в такой же уродливой вазочке? Почему она так живет, как она вообще может жить в этом унылом сарае?!

Посмотрела на себя в зеркало. Женька всегда спала голой, ей никогда не было холодно, но сейчас вдруг ее озноб пробрал, до того она себе не понравилась. «Надо худеть, что-то раздались плечи, как у борца», – подумала она, озирая свою широкоплечую узкобедрую фигуру с небольшими, уже обвисшими грудями и наголо выбритым лобком. Приподняла

ладонями груди – так она понравилась себе гораздо больше. Чуток похудеть, подкачать грудные мышцы – и будет она совсем даже не хуже других!

«Хватит без лифчика ходить, а то вообще все обвиснет, – сурово сказала себе Женька. – И волосики на пипиське надо бы отрастить, хоть самую чуточку, с волосами женщина поинтереснее смотрится, а то жуть какая-то – мужик мужиком, только без «подвески».

На левом плече что-то зачесалось. Женька рассеянно поскребла ногтем маленькое пятнышко... клоп, что ли, ее укусил? Или комар? Иногда из-за влажности в квартире заводились зимние комары и жестоко жрали Женьку. Никого не кусали – только ее. Надо матери сказать, чтобы она опять побрызгала той штукой, от которой эти гады дохнут.

Женька открыла платяной шкаф и порылась в его недрах, брезгливо щурясь при виде этой темной скучной одежды. Все брюки и брюки, да какие-то свитера поношенные, фу! Ага, вот то, что она искала! В самом дальнем углу шкафа висит шелковый халат с зелеными и розовыми цветами. Что-то типа кимоно. Ему сто лет в обед, мать подарила его Женьке на какой-то день рождения давным-давно, и Женька помнила, как при виде этого халата у нее истерика началась от отвращения. Мать тогда тоже плакала – до невозможности долго, и именно поэтому Женька не выбросила халат немедленно, а убрала в шкаф. Потом она как-то пыталась от него избавиться потихоньку и даже отнесла в мусорку, но мать,

как назло, шла мимо, увидела торчавший из ящика лоскут со знакомыми розовыми цветами и выудила халат из-под груды пакетов с мусором. Потом опять были крики и слезы, но, как Женька ни ругалась, мать халат выстирала, выгладила и снова повесила в шкаф. В конце концов Женька загромодила его своей одеждой и даже думать о нем забыла. А теперь вспомнила.

Вытащила, осмотрела... конечно, не бог весть что, далеко не то, что она видела во сне, но все же более или менее симпатичная вещичка: уж всяко лучше того барахла, которое кучкой валяется на стуле около ее кровати!

Набросила халат, с наслаждением ощущая ласковое прикосновение мягкой шелковистой ткани к коже, и встала перед зеркалом.

Старая пластмассовая щетка грубо драла волосы.

– Дура, ну почему я никак не куплю нормальную щетку? – с изумлением сказала Женька. – Больно же! И почему я так по-кретински стригусь?! Болванка, а не башка!

Было такое ощущение, что она смотрит на себя со стороны и ужасается тому, что видит. Это сон на нее так подействовал. «Вообще, надо за себя как-то взяться! – подумала Женька. – Живу в сарае, на себя рукой махнула... а ведь я еще довольно молодая, мне и сорока нет!»

Она подпоясала халат и вышла из комнаты. Пахло блинами – зашибись! «Опять блины, – сокрушенно вздохнула Женька. – Ну и как тут похудеешь?!» Но все же она улыбну-

лась: мать пекла свои немислимые, просто нереальные блины. Женька называла их «самоеды»: они елись сами, против воли человека, от них просто невозможно было отказаться!

Отец уже позавтракал – он очень рано вставал, – ковылял по коридору с палочкой.

– Привет, папулька, – сказала Женька, наклоняясь, чтобы его поцеловать, но отец уронил палку и отшатнулся к стене. Глаза у него стали – по пятаку, рот открылся.

– Же... Же... – проблеял он ошарашенно.

– Пап, ты что?! – испугалась Женька. – Мам, иди скорей, тут с отцом что-то!

Из кухни выскочила мать – как пробка из бутылки. Двери были узкие, а мать – крупная женщина, и сквозь эти двери она проскакивала всегда с некоторым усилием. В руке она держала половник, с которого стекала блинная жижа.

Взгляд ее метнулся на отца, потом на Женьку – и половник с грохотом упал на пол. По полу разлетелись белые капли.

– Да елки, – сказала с досадой Женька. – Все ж заляпала! А потом будешь ворчать, что это я неряха! Пусти-ка, я тряпку возьму, подотру.

Она шагнула было к двери ванной комнаты, но мать ее непустила: подошла к Женьке, схватилась за отвороты ее халата и недоверчиво оглядела дочь с ног до головы.

И вдруг лицо ее собралось в морщины, глаза зажмурились – и сквозь короткие светлые реснички полились слезы.

За Женькиной спиной громко всхлипнул отец.

– Же... Женечка, – с трудом прорыдала мать. – Халатик надела! Доченька! Девочка моя! Девочка!..

– Доченька! – вторил отец. – Девочка!

– Ну а кто я – мальчик, что ли?! – сказала Женька, начиная понемногу закипать. – Я уж почти сорок лет девочка, пора бы привыкнуть!

Мать голосила, как по мертвому, только выражение лица у нее было счастливое – не описать словами. Из кухни отчетливо пахло сгоревшим блином, но на это никто не обращал внимания. Мать обнимала Женьку спереди, отец – сзади, оба целовали ее, иногда промахивались и чмокали друг друга, дружно бормотали – «Тьфу!» – и продолжали лобызать Женьку.

– Предки, – растерянно проговорила она. – Что это с вами?!

Те не унимались.

Творилось что-то странное, до чертиков странное, и Женьке вдруг стало не по себе.

* * *

Жданков был финансист, «влетевший» за злоупотребление служебным положением. Собственно, он оказался орудием в руках своего начальника, но всего нажитого лишился; не помогло и то, что часть имущества была записана на

его жену. Словом, напарники договорились: Жданков помогает Мокрушину найти и незаметно, не привлекая внимания, изъять деньги. За труды он получает половину суммы. А это, по самым скромным подсчетам Мокрушина, было никак не меньше двух миллионов. До посадки это для Жданкова были копейки, теперь – капитал, ради получения которого он готов был постараться.

Несколько дней назад Жданков приступил к работе. Счет он нашел, однако обнаружил, что пароль для входа в личный кабинет держателя счета изменен.

Мокрушин просто похолодел от ужаса... Значит, его деньгами кто-то воспользовался?! Или новый пароль поставили, чтобы поймать за руку того, кто попытается войти на счета? Например, чтобы засечь Жданкова?

Тот клялся, что работал осторожно. В квартире, которую он снял, не было Интернета, и Жданков целыми днями с компьютером шлялся по кафе, кино и большим магазинам, где был Wi-Fi, заходил на счет и пробовал подобраться к паролю. Ну, так было даже лучше. Никто не мог отследить, откуда идут запросы. В этом смысле Wi-Fi – даже не лазейка, а просто траншея для хакеров! И вот в самый разгар его работы случилась эта непроходимая лажа, которая и привела к полному провалу всех их замыслов.

Мокрушин из дому не выходил, старался не светиться перед соседями: совсем не обязательно им знать, что здесь живут двое. Он, хоть и был освобожден по закону, чувствовал

себя неуютно на свободе: все казалось – за ним идет погоня... Конечно, это были зоновские «глюки», со временем они должны были пройти, но это ж со временем... Вставал он позже Жданкова, выходил к готовому завтраку – Жданков отлично готовил, что-то умопомрачительное у него получалось: просто какие-то каши, или горячие бутерброды, или гренки – а не оторвешься, они и объедались по утрам, Мокрушин как раз собирался сказать: все, хватит, пора с обожорством завязывать, а то скоро брюки невозможно будет застегнуть, как вдруг, проснувшись, заманчивого запаха с кухни не учуял. Елки-палки, да неужели Жданков сам решил взяться за ум и прекратить кулинарничать? Ну кто ж так делает? Все великие дела надо начинать с завтрашнего дня, а никак не с бухты-барухты! И что они сегодня будут жрать? Ненавидимую Мокрушиным яичницу-глазунью (до «посадки», живя холостяком, он жарил ее каждое утро и на всю жизнь объелся) или овсянку на воде, как положено делать худеющим дамочкам? «Овсянка, сэр»?

На кухне, впрочем, не было ни намека хоть на какой-то завтрак. Пустой стол, холодный чайник. Но в ванной комнате лилась вода. Жданков проспал и теперь умывается, что ли? И надо просто подождать?

Он подождал. Потом какие-то странные звуки донеслись из ванной... Рыдания никак?!

Точно: Жданков плакал...

Так, все понятно. Понял, что доступов к счету он не най-

дет и денег, на которые так надеялся, не получит, и теперь прощается со светлым будущим. Кердык, говоря по-русски...

Мокрушин рванул дверь – голый Жданков сидел на коврике, уткнувшись носом в колени, и рыдал, как изнасилованная девственница.

– Что? – рявкнул Мокрушин. – Какого черта ты тут истерику устроил? Говори, что случилось, ну?!

Жданков поднял на него вспухшие красные глаза – морда у него, конечно, была соответствующая, аналогичная, – мгновение таращился на Мокрушина – и как вдруг заорет! Писклявым тонким голосом заорал – и ну коленки сжимать и руками прикрывать то, что там у него дохленько так болталось!

Мокрушин вспомнил, что он уже видел Жданкова точно в таком виде – там, в умывалке, где к нему полезли братки, жаждавшие, типа, его задницы, но отлично помнившие уговор с Мокрушиным: напугать мужика до чертиков, но не трогать! Ага, ну, понятно... выходит, те самые зоновские «глиуки» до него и доехали. Такое бывает: кто не сидел, тот не поймет, какие иногда кошмары приходят из тюремного прошлого и как сносит от них у человека крышу. Вот и у Жданкова снесло.

Мокрушин, долго не думая, переключил воду в кране на ледяную и, схватив бившегося в его руках, оравшего Жданкова за загривок, сунул его под струю. Ну, тот побился ма-

лость, потом притих.

– Хватит или еще? – спросил Мокрушин, вынимая его из-под крана и накидывая ему на голову первое попавшееся полотенце.

И что вы думаете?! Этот козел начал натягивать полотенце на свои, пардон, нагие чресла и истошно орать:

– Оставьте меня! Что вам надо, не трогайте!

Мокрушин схватил другое полотенце (первое у этого стыдливого истерика было бы невозможно отнять!) – накинул его Жданкову на шею, одной рукой схватил за оба конца, а другой принялся методично нахлестывать его по щекам – с оттяжкой. Раз пять хлестанул, заглянул в глаза – нет, никакого эффекта. Повторил.

И тут Жданков завыл... да так жутко... Сквозь вой прорывались слова... Что-то он говорил, нес какую-то ахиною, но Мокрушин никак не мог понять – что с ним такое, почему язык у него заплетается... а потом Жданков затих и произнес вполне отчетливо:

– Я хочу умереть.

Мокрушин не успел ответить – раздался звонок в дверь.

Блин... наверное, соседи пришли ругаться: они ж тут чертово болото развели, небось затопили кого-то! Надо подтереть. А не открыть – нельзя: еще вызовут аварийку, начнут двери ломать...

– Вставай! – пнул он ногой Жданкова и швырнул ему белый махровый халат (напарник, судя по всему, в прошлой,

дотюремной жизни был сибаритом и теперь охотно вспоминал прежние привычки). – Вставай и выйди, скажи, что ты мылся, не заметил, как вода пролилась... Иди, козел!

– Козел?! – со странным выражением проблеял Жданков, но послушаться не посмел и, по-бабьи утираясь рукой, побрел к двери.

– Кто там? – простонал он.

Ответа Мокрушин не расслышал, но Жданков возопил тоненьким голосом:

– Что?!

Мокрушин высунулся в коридор как раз вовремя, чтобы услышать женский голос из-за двери:

– «Скорую» вызывали?

* * *

Артем осторожно приоткрыл дверь пошире, прислушался. Тихо.

– Кто-нибудь есть? – позвал негромко.

Ответа не было.

Оглянувшись, приложил палец к губам. Перепуганная Галя, тащившая вверх по лестнице свой «сундук со сказками» – так на жаргоне работников «Скорой» называется оранжевый ящик с медикаментами, он же – «желтый чемоданчик», – замерла на полушаге. Снизу резвенько поднималась Ирина Филимоновна, но с ней Артем церемониться не стал – молча

показал старушке кулак и мотнул головой со зверским выражением лица. Ирина Филимоновна все поняла правильно: так же резвенько засеменила вниз.

Артем переступил через порог и двинулся по узкому коридору, подавленный царившей вокруг тишиной и почти уверенный в том, что здесь случилось несчастье.

Вошел в комнату и увидел темноволосую девушку в свитерке и джинсах, прикорнувшую на диване. Похоже, она спала, крепко спала, дышала ровно и глубоко. Но насколько естествен этот сон?

Артем осмотрелся. Мебели мало, вещи недорогие, все очень просто, но чисто. На стенах акварели в простых рамках – пейзажи и портреты. Она художница? Или просто любит красивые картины и покупает их? Артем, конечно, был не специалист, но ему показалось, что все это написано одной и той же рукой.

Он продолжал осматриваться. Много цветов на окне. И вроде не видать никаких следов таблеток, опасных лекарств. На полу около дивана валяется листок бумаги. Артем схватил его... нет, это не предсмертная прощальная записка: какие-то нелепые чернильные каракули на старом, пожелтевшем от времени листке плохой газетной бумаги.

Артем бросил на него только один взгляд – и в глазах у него зарябило от смешения букв, цифр и знаков:

$\langle Шс(33)Z, \quad б(33)ю=c(33) \quad ь=G \quad =Z=x4*ax(33)$
 $aLa-aLa. \quad =Z=x4*ax \quad и \quad a(66)e(33) \quad Lu \quad xa$

$\text{ю}=\text{Laa cG2}^*a^*\text{Lни}^* \text{сб}(401)(66): 1^*\text{ш}(\text{н8})\text{б}=\text{eZ}(33).$
 $\text{Ха б}(33)(66)\text{ш тй}(33)\text{тахшG т}=\text{ютсеахх}=\text{ш}^*$
 $2^*\text{шYхи Y}(33)\text{хшъ}(33)\text{LmG G a/}, (33) 4^*\text{с}=\text{юп}$
 $\text{x}(66)\text{еабxGZ}(66) (401)\text{юаба}4^*\text{м } \backslash\text{с}=\text{с } \text{сб}(401)$
 $(66), (66)(33)2^*a \text{ атLш } \text{ъахG } \text{x}(33)\text{тсиныхас}$
 $\text{Z}(33)\text{б}(33) \text{ Y}(33)\text{Z}=\text{x}(33), (66)\text{LG } \text{Z}=\text{с}=\text{б}=\text{н}=\text{ета}^*,$
 $4^*\text{с}=\text{G } \text{т}(66)\text{aL}(33)\text{L}, =(\text{66})\text{x}(66)\text{Yx}(33)4^*\text{x}=\text{—}$
 $\text{йбатс}(401)\text{йLахша}, \text{шюш } \text{x}(33)(10)=(66)\text{шстG}$
 $\text{Y}(33) \text{ йба}(66)\text{aL}(33)\text{ъш } =(\text{н8})\text{шжш}(33)\text{Lmx}=\text{ш}^*$
 $\text{ъа}(66)\text{шжшхтZ}=\text{ш}^* (66)=\text{Zсбшхп}, (401)\text{сеаб}2^*(66)$
 $(33)/1^{**}\text{аш}^*, 4^*\text{с}=\text{«3\%ю3 \%}(401) 3\%\text{т}3\%\text{т}3\%\text{ш}^*\text{» e}$
 $\text{x}(33)1^*\text{аь }=\text{ю}1^{**}\text{атсеа хас ш ха } \text{ъ}=\text{2}^*\text{ас } \text{юпс}, (33)$
 $\text{атLш }=\text{шх атсм}, \text{с}=\text{ш}(10) \text{ха } (66)=\text{L}2^*\text{x}=\text{юпсм... } (33)$
 $\text{ъ}=\text{2}^*\text{ас } \text{юпсм}, \text{ъахG } \text{й}=\text{Z}(33)\text{б}(33)\text{ас } \text{Ю}=\text{н}, =1^*\text{шюZш}$
 $\text{шLш } \text{YLна } 1^*(401)\text{сZш } \text{Z}=\text{с}=\text{б}=\text{н}=\text{G } \text{йпс}(33)/\text{тм}$
 $\text{й}=\text{йб}(33) \text{ешсм...}»$

– Бессмыслица какая-то, – пробормотал он. – Или формулы?.. Да какая разница!

Послышались осторожные шаги: в комнату вошла Галя. Артем вновь знаком велел ей соблюдать тишину и на цыпочках прокрался в кухню, проверил мусорное ведро. Но там тоже не обнаружилось следов облаток, коробочек, лекарственных бутылочек.

Может, суицидом тут и не пахнет? И зря он так переполошился?

Вернулся в комнату. Кажется, девушка и впрямь просто-напросто спит.

Лицо заплаканное – да, когда женщины много плачут, они устают от слез...

Артем вздохнул, вспоминая с оттенком вдруг проснувшейся в душе нежности и жалости, как раньше плакала из-за всякой ерунды Вика – она вообще была излишне обидчива и плаксива – и как засыпала на его плече, нервно и глубоко вздыхая во сне. И каким счастливым он себя тогда чувствовал. И даже побаивался: может, он садист какой-то, если его так трогают женские слезы, а совсем не раздражают, как других мужчин?

Куда все это делось? И нежность, и жалость? Куда и почему исчезло? Из-за какого-то нелепого припадка ревности к хорошенькой веснушчатой девушке...

И вдруг он осознал, что смотрит в румяное сонное лицо той самой девушки, к которой Вика его так бурно приревновала! Точно, это она... вот и смешные веснушки на носу. С необыкновенной отчетливостью встала в его памяти та сцена: она примеряет перед зеркалом шляпку, похожую формой на гриб... как его... на Волоконницу Патуйяра, только черную и бархатистую.

Артем был уверен, что он не ошибается, хотя до сей минуты и не вспоминал ее лицо. Встретил бы ее на улице – и не узнал бы. Или узнал бы?.. В ней было что-то такое... незабываемое. Может, эти веснушки в сочетании с темно-каштановыми волосами? Или глаза... он не мог вспомнить цвет ее глаз!

Его вдруг охватило совершенно неприличное любопытство: ужасно захотелось узнать, купила ли она все же ту забавную шляпку или нет? Стесняясь самого себя, он, приняв самый деловой вид, выглянул в прихожую и посмотрел на полку над вешалкой. Черная Волоконница Патуйяра имела место быть.

– Что вы, Артем Сергеевич? – почти беззвучно спросила Галя, но он только головой покачал:

– Ничего. Все в порядке. Кое-что проверил.

– Можем уходить? – с надеждой спросила Галя. – Все в порядке, да?

– Вроде да, – кивнул Артем. – Но надо ее все же разбудить, чтобы она дверь закрыла. А то неизвестно – кто-то войдет, ограбят ее еще...

«Интересно, как ее зовут? Лиза вроде, бабка так сказала... – подумал он, осторожно трогая девушку за плечо. – Может, спросить, уточнить? Или неудобно?»

Девушка резко вскинулась, мгновение бессмысленно смотрела на него сонными карими, вернее, каштановыми какими-то глазами («Ага!» – подумал Артем), потом взгляд ее скользнул по его синей униформе – и лицо девушки словно заострилось, осунулось от ярости.

– Опять?! – взвизгнула она – и с размаху ударила Артема по лицу.

Галя громко ахнула.

Впрочем, Артем умудрился как-то отклониться – кулак

пролетел мимо, девушка чуть не свалилась с дивана, но Артем успел ее поймать.

Она вырывалась, сначала молча, тяжело дыша, и вдруг разразилась матерщиной... да такой, что у Артема глаза на лоб полезли.

– Мамочки мои! – взвизгнула Галя, с грохотом роняя чемодан и зажимая уши.

Да уж... такого Артему даже от превеликого охальника и виртуоза русского мата Ивана Ивановича слышать не приходилось!

– Может, ей успокоительное вколоть? – прокричала Галя, поднимая чемодан и открывая его.

Девушка рванулась так, что Артем еле удержал ее:

– Я не дамся! Я не поеду в психушку! И к вашей ведьме не пойду – без нее справлюсь!

И локтем саданула Артема в живот – у него аж дыхание перехватило.

– Галя, дай что-нибудь связать ее! – прохрипел он, швыряя девушку на диван лицом вниз и заламывая ей руки.

Галя выхватила из чемоданчика оранжевый жгут. Артем уселся верхом на ее ноги, связал девушке руки, резко повернул ее, посадил, придержал голову и похлопал по щекам:

– Может, хватит? Давайте-ка кончать истерику!

Девушка еще мгновение посидела с закрытыми глазами и вдруг сказала будничным тоном:

– Сделаете укол – покончу с собой. И моя смерть будет на

вашей совести. Понятно? Хотя вряд ли у вас есть совесть.

– Вы нас первый раз в жизни видите, почему же так оскорбляете? – возмущенно воскликнула Галя.

Девушка открыла глаза и глянула на нее с презрением:

– А ты не лезь в мужской разговор, куколка! Тебя я точно в первый раз вижу. А вот этого козла я уже видел. Он со своей телкой был в том магазине, где я шляпу покупал. Следишь за мной, да?

– Видел? – пробормотала Галя потрясенно. – Покупал? В мужской разговор?!

Артем тоже, сказать по правде, сначала поперхнулся. Кое-как выговорил:

– А вы не помните, какую именно шляпу покупали?

Ее взгляд заметался:

– Да что я, баба – всякое тряпье помнить?

– Бля, а кто же ты?! – не выдержала Галя. – Мужик, что ли? Ты на себя в зеркало давно смотрела? Слушай, а может быть, ты этот... как его... трансвестит?!

В ответ снова полился мат. Кошмарный мат!

Галя опять зажала уши, да так на сей раз крепко, что Артему пришлось закричать, чтобы она услышала:

– Пойди в прихожую иними с полки, там... черное такое, на гриб похожее!

Галя посмотрела на него дикими глазами, но послушалась. Принесла Волоконницу Патуйяра.

Артем взял ее, покрутил так и сяк – и показал девушке:

– Вы не эту шляпу покупали?

– Ха, – сказала она презрительно, – это женская шляпа. С чего мне ее покупать? Но я ее где-то уже видела... видел...

– На себе, – подсказал Артем. – В зеркале. Я отлично помню, как вы ее примеряли. И вы ее купили!

«И я точно знаю, – подумал он, – что та хорошенькая девчонка, которая ее примеряла, не была никаким трансвеститом! Потому что она мне понравилась. Потому что к ней меня приревновала Вика! Это была стопроцентная женщина. Что же с ней случилось?!»

Девушка перевела взгляд со шляпы на него... и вдруг заплакала. Слезы так и хлынули по ее щекам, она попыталась вытереть их плечом, но не смогла.

– Если я вас развяжу, вы не броситесь на нас? – спросил Артем.

Она покачала головой, тяжело всхлипывая.

– Ох, зря вы это, Артем Сергеевич, – пробормотала Галя.

– Ладно, как-нибудь, – проворчал он, распуская тугой резиновый узел.

Девушка с облегчением потеряла запястья, потянулась к сумке, валявшейся около дивана, достала пачку одноразовых платочков, высморкалась, вытерла слезы, потом нашла маленькое зеркальце и уставилась в него, бормоча:

– Посмотрите только, на кого я похож!

Галя перехватила взгляд Артема, покрутила пальцем у виска и показала растопыренную пятерню. У них на подстан-

ции был такой сигнал – бригаду психиатров с их арсеналом вызывать?

Приезжают, вырубают, закатывают «клиента» в смирительную рубашку, увозят на улицу Ульянова... а из Заречной части города везут на улицу Июльских дней.

Артем покачал головой. Галя выразительно пожала плечами.

Девушка вдруг заглянула в сумку и подняла на них испуганные глаза:

– Это моя сумка? Мои вещи? Мой паспорт?! Нет, нет!..

Она швырнула сумку, паспорт упал на пол, Артем поймал его и раскрыл. Елизавета Николаевна Строилова, 27 лет... там, в магазине, он дал бы ей лет на пять меньше, а сегодня она выглядит даже старше – такое измученное лицо... прописана по такому-то адресу, записей о браке, разводе и детях нет – он таки просмотрел эти странички, не удержался.

– Да вроде ваш...

– Тогда почему у меня уже второй день подряд такое ощущение, что я – мужчина? – сдавленно воскликнула Елизавета. – Мужик?! Причем меня иногда прошибает воспоминание о том, что всю жизнь я была женщиной, какие-то сцены приходят перед глазами... но лишь на миг, а потом опять начинается этот ужас непонимания. Я все время бегаю в туалет, чтобы посмотреть – есть у меня член или нет! Это ужас... Почему его нет?! И почему мне кажется, что он должен быть?! Вы когда-нибудь сталкивались с такими случая-

ми?

Артем покачал головой. Он только глазами мог хлопать, слушая ее бред.

Она – мужчина?! Она?!.

Примерно за два месяца до описываемых событий

О том, как прошел тот день на работе, Володька старался не вспоминать. Небритый, невыспавшийся, помятый и несчастный, старательно запахивая халат, он изо всех сил избегал разговоров, тем паче – о своем отпуске.

– Крепко погулял парень! – ехидно резюмировал завлаб Константин Константинович. – Ничего, пускай очухается.

Володька посмотрел на него с изумлением, потому что от Кощея (так прозвали в лаборатории тощего вредного заведующего) он ждал только разноса, а тут...

– Премия вчера была, – шепнул Шурик Рванцев. – За прошлый месяц. Кошей резко подобрел.

Премия! Володька даже зажмурился. За прошлый месяц! Который он в отпуске провел! Ну что за непруха?! Просадить в Одессе столько денег – и все потерять, и вернуться даже без намека на хоть какую-то компенсацию!

Он потерянно оглядел лабораторию и наконец-то сообразил, что кое-кого здесь явно не хватает.

– Слушай, Шурк, а где Вика?

– Ну ты, брат, совсем от жизни отстал в своей Хохляндии, – покачал головой Шурик. – Викуля нас бросила во всех

смыслах.

И вздохнул с таким трагическим надрывом, что Володька испугался:

– Это как же понимать?!

– А так, что она и работу сменила – теперь где-то в верхней части города трудится, и живет теперь там же... со своим мэном.

– С каким еще мэном? – удивился Володька.

– С обыкновенным. Нашла себе кое-кого. Тощий такой, длинный, чернявый, усатый. Врач со «Скорой». Девчонки говорили, они квартиру сняли.

– Поженились?!

– А фиг их знает, может, поженились, а может, так живут. Володьк, да брось ты глаза таращить, Викуле кто-нибудь по-серьезнее требовался, а не просто типчик «так себе» – лаборант бесштаный. Хотя врач со «Скорой» тоже вряд ли в джинсах от «Армани» ходит, есть у меня такое ощущение.

Да... это была последняя плюха, которую приготовила Володьке жизнь.

«Доберусь до дому – напьюсь на фиг, – угрюмо подумал он. – Все вылакаю! Хоть какой-то будет прок с этой пакости, не записки же сумасшедшего читать!»

Еще на Курском вокзале, поняв наконец, что он схватил в спешке чужой чемодан, Володька дрожащими пальцами перевернул его содержимое. И натурально проклял все на свете. В его-то чемодане было сколько добра! И вещички!

И продукты! И вино! А здесь... впрочем, вино-то оказалось и здесь. Четыре большие, старательно укутанные в тряпки и переложенные газетами бутылки темного стекла с какой-то жидкостью, заткнутые большими пробками и залитые сургучом. Этикеток на бутылках не было, да и какие могут быть этикетки – в Одессе в такие бутылки наливали и так запечатывали только домашнее вино. На дне чемодана лежал с десяток картонных коричневых потертых, каких-то старообразных папок с потрепанными завязками и надписями «Дело №...», а в них... нет, ну натурально – записки сумасшедшего!!! Листки шершавой пожелтевшей бумаги, сплошь исписанные; какие-то древние обложки, без всяких «украшалок», просто с тупыми надписями: «Тетрадь по... учени... класса... школы...» от тоненьких зелененьких тетрадок в клеточку... А уж чем все это было исписано!! Володька только разок глянул на первый попавшийся листок – и тотчас у него помутилось в голове:

«E(66)б(401)и etй=ьхшL=тм... Z(33)Z-c=
 (401)2*(33)тх= хаZmc(33)си. 4*c= н=e=бишL с=c
 тс(33)бишZ, =юGтхGG х(401)Ye(33)хша YaLмG?...
 (401) Z(33)2*(66)=н= 3%иш3%т3%т3 %(401) атсм
 твб(66)жа, ш =х= ь=2*ас =тс(33)х= еишмтG
 с(33)Z 2*a ехаY(33)йх=, Z(33)Z таб(33)жа L/
 ю=н= 4*aL=eaZ(33). ХишZ=ь(401) ха шYeатсах ьшн,
 Z=н(66)(33) \с= тL(401)4*иштG... G с=н(66)(33)
 йб=й(401)тсишL \си тL=e(33) ьшь= (401)1*аш*, G
 Y(33)юшL = хиш(10) – Y(33)юшL! Ъха Z(33)Y(33)L=тм,

(66)(33) и сайабм Z(33)2*астG: с=, 4*c= й=й(401)L= ьха е б(401)Zи, с=, 4*ав(401) G й=теGсиL 4*иYхм, ю(401)(66)ас ea4*хпъ, Z(33)Z т(33)ь(33) йб=юлаь(33) 3%и3%т 3%т3 %о(401)... х= ета*- с(33)Zи тла(66)(401)ас й=ьхисм, 4*c= \си 4*(33)тп ь=н(401)с =тс(33)х= еисммG е L/ю=а ьнх=юахиа. Z=ха4*x=, Z=ха4*x=, (401) ьахZ атсм юта (н8)=бь(401)Lп, 4*c=юп Y(401)х=е= т=Y(66)(33)см «3%ж3 %=3%б 3%и3%т3%т3 %о(401)», х= G \с=н \ ха (66)аL(33)L и =йпсп т тихсаYиуб=e(33)ххпъ ea1**атсе=ь ха йб=e=(66)иL, хаиYeатсх=, Z(33)Z =х= таюG й=EA(66)ас... =тс(33)а*смG с=LmZ= х(33)(66)аGсмG, 4*c= й=(66)Lиухх=а «3%ж3 %=3%б 3%и3%т3%т3 %о(401)» =тс(33)хастG (66)аи*тсеаххпъ а1**а* (66)=Ln= – и ьха ха йби(66)а*смG (401)еи(66)асм, Z(33)Z ета ь=и х(33)(66)а2*(66)п и 4*АТС=L/юшена йL(33)хп =юб(33)сGсмG е йб(33)(10) – иY-Y(33) с=н=, 4*c= е=L1*аюхпн* сбайас «3%ж3 %=3%б 3%и3%т3%т3 %о(401)» ехаY(33)йх= Y(33)ьаб...»

И везде – такая же абракадабра! Тот же бессмысленный набор знаков, цифр и букв!

То, что это не имело отношения ни к физике, ни к химии, ни к математике, Володька понял моментально, все-таки учился он в Политехе (неважно, что не доучился, – кое-что еще помнил). Сразу стало ясно: человек, написавший это, основательно съехал с катушек и начал марать бумагу первыми попавшимися символами. Иногда, похоже, он проникался

отвращением к собственному «словотворчеству» и пытался результаты одного отправить «ффтопку» (часть бумаг основательно обгорела); иногда от злости он обливал листки водой или чернилами (там и сям на них зияли густо-фиолетовые пятна, слабо отливающие золотом... так блестели раньше, в шестидесятые годы, фиолетовые чернила. Отец рассказывал, что в школу их носили в чернильницах-непроливайках, а писали тогда металлическим перышком, вставленным в деревянную ручку... И все тетради пестрели кляксами и отливали этим мертвенным золотистым чернильным блеском. Иногда, видимо, автор крепко спал на своих «записках сумасшедшего» или еще что-то делал (некоторые страницы истерлись до прозрачности, а некоторые смялись), но все же он их не выкинул. И вот теперь это сокровище попало в руки Володьке!

Он злобно скомкал какой-то листок и отшвырнул его прочь.

В это мгновение из репродуктора послышался голос диспетчера. Раньше она все объявляла, какой поезд на какую платформу прибывает да с какой отправляется, а тут – будто подсматривала за Володькой! – призвала пассажиров соблюдать на вокзале чистоту и уважать труд уборщиц. Сидевшие вокруг люди немедля воззрились на Володьку с превеликим осуждением в глазах. Пришлось ему подобрать листок и сунуть его в карман, потому что ближайшая урна стояла довольно далеко.

Ага, вот в таком состоянии, в каком он сейчас пребывал, ему только чистоту на вокзале соблюдать!

Володька не выкинул это бумажное барахло разом только потому, что на всем Курском вокзале не нашлось бы урны подходящего размера. Чемодан был этой бумагой-макулатурой битком набит, да и с этими четырьмя бутылками весил очень даже прилично, поэтому Володька и не заметил разницы со своим чемоданом. Подумав немного, он решил пока что не выбрасывать его – благодаря бумагам бутылки не брякали друг о дружку. Но дома-то... дома он всю эту муть вышвырнет, немедленно!

Добравшись наконец до родимого жилища и искренне порадовавшись, что родители все лето безвылазно живут на даче, а значит, никто не узнает о том, какие потери он понес, и не станет ворчать: «Мы ж тебе говорили, нечего в этой Одессе делать, нет же, понесло тебя деньги тратить, а что там есть, чего нет на нашей даче?!»; никто не станет смотреть на него с привычной уже жалостью – мол, что взять с этого дурачка-неудачника, какой-то прямо неродной, вот не повезло нам с сыном! – Володька развел кипятком окаменелый «Ролтон» – лапша с, так сказать, мясом (холодильник был исключен и вымыт... аж слезы наворачивались на глаза, когда вспоминался Привоз и все, что он там купил!), – вздохнул и пошел в душ. Смыл дорожный пот и надел чистые шорты и майку, и ему стало чуточку легче. Сейчас он выпьет одесского винца (без разницы, как оно называется, в Одессе плохого вина

не бывает – он даже тост придумал: «Пусть это будет моей самой большой потерей в жизни!») и подумает: где бы раздобыть денег на прожитье до зарплаты? У кого бы занять?..

Лапша уже размякла и пахла совсем даже недурно. Облизываясь и глотая слюнки, Володька достал из чемодана одну бутылку, с трудом обколот с горлышка сургуч. Похоже, бутылку запечатывали недавно: сургуч держался мертвой хваткой и нипочем не желал крошиться, а это значит, что вино молодое, невыдержанное. Эх... А может быть, оно хорошее, выдержанное, крепкое, его просто для перевозки в этих бутылках налили из доброй бочки? А может, там вообще коньяк! Но всяко – спиритус вини!

Эта мысль несколько примирила его с жизнью. К сожалению, длилось сие примирение недолго: до той минуты, пока Володька, справившись наконец с сургучом, не понюхал бутылочное горлышко и не убедился, что внутри – и не вино, и не коньяк, и вообще совершенно никакой не спиритус вини, а просто-напросто аква дистиллята! Ну, может, и не дистиллята, но аква – без вариантов. То есть вода.

Нет, ну это... это...

Да что же это такое?!

Володька возмущенно кинулся к раковине и наклонил над ней бутылку. Прозрачная чистенькая водичка полилась, булькая, как самое настоящее вино. Володьке показалось, что булькает она ужасно насмешливо, он в сердцах потрянул бутылку – и услышал тоненький звон, как будто что-то уда-

рилось в стенку бутылки изнутри.

Он замер и посмотрел бутылку на свет. В самом деле, там что-то было внутри... не видное сквозь темное стекло, когда в бутылку была налита вода, а теперь проступили очертания какой-то узкой длинной трубки – вроде пробирки, что ли.

Володька вылил оставшуюся воду как мог осторожно. В голове у него было пусто, впрочем, иногда в этой пустоте ослепительно просверкивали какие-то приключенческие сюжеты о перевозке контрабандных бриллиантов в пробирках...

Он застелил дно раковины полиэтиленовым пакетом и бережно вытряс на него пробирку. Посмотрел на ее содержимое... потом на полиэтиленовый пакет... и ему очень захотелось надеть этот пакет себе на голову и покрепче затянуть.

Постелил, главное! Чтоб, если пробирка разобьется, бриллиантики, не дай бог, в сток не попали?! А бриллиантиков-то и не было! Большая, тщательно запечатанная пробирка оказалась наполнена ярко-голубой жидкостью.

Володька положил ее на стол и принялся вскрывать и опустошать остальные бутылки. Ни одной мысли в голове его при этом не было, он находился словно бы в каком-то иступлении. Наконец он устало оперся ладонями о края раковины, глядя на результаты своих трудов.

Пустые бутылки темного стекла – четыре штуки.

Темно-коричневый сургуч – кучка.

Пробирки с неизвестной жидкостью ярко-голубого цве-

та – две штуки.

Пробирки с неизвестной жидкостью ярко-розового цвета – две штуки.

– Так, – простонал Володька. – Голубое и розовое... Для мальчиков и девочек, что ли?!

Его возмущенный разум кипел, как в известной песне «Интернационал», и напрочь отказывался принять подлянку, которую зачем-то подстроила ему судьба. И в этот миг полного разлада с миром раздался звонок в дверь.

Володьку словно кипятком обварило!

Родители приехали с дачи? И они сейчас войдут и увидят все это?! Ему страшно, до остроты, захотелось утопиться в стоке кухонной раковины... Но тут же и отпустило немного: у родителей есть ключи, с чего им звонить? Это кто-то из соседей, наверное. Да ладно, позвонят и уйдут, может, его дома нет.

Но звонки не прекращались.

А вдруг случилось что-то?

Он побрел к двери, поглядел в «глазок».

На площадке стояла какая-то тетка в косыночке и темненьком плащике.

– Кто там? – буркнул Володька.

– Показания счетчика снять, – так же неприветливо ответила тетка.

Счетчика?! Он просто задохнулся, так много ему захотелось ей сказать... высоким штилем! – и не только про счет-

чик.

– Некогда мне... я в ванне! Моюсь я! – рявкнул он, еле сдерживаясь.

– Вы лучше откройте, молодой человек, – сказала тетка весьма настойчиво. – Такой порядок – надо списывать показания! Нам разрешено даже участковых вызывать, если кто-то отказывается впустить нас в квартиру. Протокол составляют, по месту работы отправляют... Это же минутное дело – показания снять, а вам потом хлопот не обернуться.

Да, вот только протокола участкового ему в жизни и не хватало, подумал Володька, обреченно вздохнул и открыл дверь.

Тетка вошла, глядя на него настороженно, держа руки в карманах.

Володьке вдруг отчего-то стало не по себе. И сквозь все-ленскую злобу на весь мир и его окрестности пробились кое-какие мысли.

Первой мыслью было – что она не такая уж и тетка, лет тридцать ей, ну, чуть больше.

Второй – на кой черт ей платок и плащ, когда на улице солнце, и вообще, вдруг стало тепло, почти как в Одессе?

Третьей – он ее где-то вроде бы видел раньше, точно, видел!

Четвертой... четвертая мысль родиться на свет не успела, потому что незваная гостья вынула из кармана правую руку и... и в ней оказался пистолет.

– Быстро, – сказала она. – Мой чемодан, быстро, а то...
Имей в виду, это не газовый, и я не промахнусь, если что!

* * *

– Что, впервые видите такое? А та докторша, которая до вас приезжала, – запальчиво сказала Елизавета, – уверяла, что она уже с чем-то подобным встречалась! И что никакие психологи помочь тут не могут, вообще, медицина бессильна... только какая-то целительница врачует такие «траблы».

– А кстати, что там у вас произошло с врачами? – вспомнил Артем. – Ваша соседка слышала, как вы выгнали бригаду. Так вы их вызывали или нет?

– На фиг бы мне их вызывать, они просто измором меня взяли! – опустила голову девушка. – И все какую-то ерунду про свою целительницу молотили, Оксану какую-то там... она за тысячу баксов мозги вправляет тем, у кого вдруг крыша съехала, как у меня. А где я им возьму тысячу евро?! И потом, дадут тебе какие-нибудь БАДы, а толку-то с них...

– Правда, правда, с этими БАДами – сплошное шарлатанство, – раздался вдруг слабый голосок, и Артем с изумлением увидел Ирину Филимоновну, которая прокралась-таки в квартиру. – Я вот недавно в какой-то газете прочла, что есть лекарство восстановительное после инсульта, ну, просто как новенькая станешь, и телефон был указан. Позвонила им – они говорят, стоит лекарство двадцать четыре тысячи руб-

лей! А тут ко мне как раз Петр Федорович приехал и говорит, это БАД, чистые шарлатаны, просто деньги выкачивают! Я, конечно, ничего покупать не стала. Так они меня замучили звонками! Наверное, у них мой номер определился. Я уж им судом пригрозила, тогда только отстали.

– А кто такой Петр Федорович? – спросил Артем.

– Да это ж наш Петька, – хихикнула Галя. – То есть доктор Мамонтов.

– Как же – вместе работаете, а Петра Федоровича не знаете?! – неодобрительно поджала губы Ирина Филимоновна.

В кармане у Артема зазвонил мобильный.

– Артем Сергеевич, вы что там застряли? – услышал он голос диспетчера Натальи. – У вас новый вызов, адрес я водителю продиктовала, это на площади Свободы. Надо ехать поскорее, там женщине с сердцем плохо стало.

– Галя, поехали, – скомандовал Артем. – Новый вызов. Спускайся, я тебя догоню. Чемодан оставь, сам принесу.

Галя ушла, а он остался. Он не мог уйти просто так!

– Послушайте, Лиза...

Она злобно оскалилась.

– Извините, я не знаю, как вас в таком случае называть, – торопливо сказал Артем, – но это имя стоит у вас в паспорте. Поэтому я к вам и буду так обращаться. Лиза, происходит что-то странное, я за вас беспокоюсь! Послушайте, вы, конечно, можете мне не верить, но... моя девушка меня к вам приревновала тогда, в магазине, поэтому... поэтому вы мне

как бы не чужой человек.

«Господи, что я несу?!»

– Мать твою... – тихо сказала Лиза. – И так, и так, и снова, и опять, и этак в бога душу... Ты, чертов гомик, – ты ко мне клейшься?!

– Я не гомик, а вы спятили, ясно?! Вы не мужчина, а женщина! И я к вам не кле... Ладно, это к делу не относится, я все понимаю, но я вас прошу... как врач, понимаете? Разрешите мне сделать вам укол? Это просто успокоительное. Клянусь чем хотите! Вы уснете и нормально проспите до вечера. А вечером я сменюсь и приеду – и мы посмотрим, что делать дальше. Может быть, все пройдет. Может быть, я за это время что-нибудь узнаю о таких случаях. Пожалуйста, я вас очень прошу...

– Да иди ты знаешь куда?!

– Нет. Это не разговор, – упрямо сказал Артем. – С психикой не шутят!

– Лизонька, – слышался дрожащий голос Ирины Филимоновны, – деточка, не упрямясь, пожалуйста! Может быть, и правда у тебя в голове помутилось? А поспишь – тебе и полегчает. А я тут посижу. У тебя. Постерегу, чтобы тебе не стало страшно, если ты вдруг проснешься.

– Отличная мысль, – сказал Артем. – У вас мобильный есть, я вижу? Отключите звук и поставьте телефон на вибрацию. Я буду вам позванивать. И если надо, я заплачу вам за это дежурство, сколько скажете.

– Да я по-соседски! – обиделась Ирина Филимоновна. – Мне все равно делать нечего. А у Лизы телевизор хороший. Я сейчас, только запру свою дверь и возьму шаль. Минуточку!

И она проворно засемила в коридор.

Пожелтевший листок, исписанный фиолетовыми чернилами, спорхнул на пол.

– А это что такое? – поднял его Артем.

– А, это... – Лиза пожала плечами. – Эта докторша, которая у меня была, уронила свою папку с бумагами. Она их все собрала, а этот залетел под диван, я его потом заметила. Вообще, в мусорке ему место, но я не выбросила, может, это что-то нужное?

– Ну да... Не исключено, что она за ним еще вернется.

– Вернется – не открою, – буркнула Лиза. – Выброшу листок в окошко! Противно было бы эту парочку увидеть еще раз.

– Лиза, мне пора, – напомнил ей Артем. – Укол давайте сделаем, пожалуйста. Я прошу вас, как...

Он хотел сказать – как друг, но постеснялся. Какой он ей друг? Еще обзовет его опять гомиком!

– Как врач, – сказал он, будто спрятался за этим словом.

– Ладно, давай, врач-грач, делай, – буркнула Лиза. – У меня уже сил нет спорить – все на истерику ушли. Куда колоть будем? Задницу я тебе не подставлю!

Артема передернуло.

– Да ладно, я шучу, – угрюмо улынулась она.

– В предплечье укол сделаем. В левое, правое – все равно.

– Только не в левое, меня там какой-то клоп или комар зимний укусил, все расчесано.

– Ну, в правое.

Она кое-как выпростала из рукава свитерка правую руку.

Под ним была розовая мятая футболка.

Артем осторожно приподнял рукав футболки и сделал укол. Почему-то у него першило в горле.

– И не больно, – сказала Лиза слабым голосом.

– Позор мне, если бы было больно. Ложитесь, вон и Ирина Филимоновна вернулась.

Лиза легла, свернулась в клубочек, закрыла глаза... и вдруг зашарила руками по дивану. Артем увидел желто-коричневый плед, свалившийся на пол, поднял его, помог ей укрыться.

– Как тебя зовут? – вдруг шепнула она.

– Артем.

– Красивое имя...

– У тебя тоже красивое имя, – негромко ответил он, но Лиза его уже не слышала – заснула.

Артем уже выходил в коридор, когда вдруг зазвенел телефон, стоявший на столике у двери.

Звонок был ужасно громкий.

«Разбудит!»

– Алло! – схватил он трубку.

– Э-э... извините, – произнес приятный женский голос. –

Я звоню в квартиру Елизаветы Строиловой. Я номером ошиблась?

– Нет, не ошиблись. Но Елизавета Николаевна сейчас не может подойти.

– Извините, а вы кто? – Голос стал строже. – Она живет одна, насколько мне известно.

– Я доктор Васильев. Подстанция «Скорой помощи» Советского района. А вы что хотите?

– Я... – Она вдруг замялась. – Я у нее была сегодня... недавно... я кое-что забыла, листок... она не находила? Это очень важно, это... важно!

– Старая бумага, фиолетовые чернила? – спросил Артем настороженно. – Вот, я вижу этот листок. А вы...

И прикусил язык. Он хотел спросить: «А вы – доктор, вы приезжали к Лизе и рекомендовали ей целительницу?» – но почему-то почувствовал, что говорить этого не стоит.

– А вы хотите его забрать? – вывернулся он.

– Да, конечно. Говорю же, для меня это очень важно! Я могу приехать в течение получаса!

– Елизавета Николаевна уезжает к родственникам, – на ходу нафантазировал Артем. – За ней приехали, ее сейчас увезут.

– Кто за ней приехал? – обеспокоенно спросила незнакомка.

– Брат, – ни на минуту не задумавшись, соврал Артем. Это беспокойство казалось ему странным. И захотелось от

дамочки отделаться поскорее. – А листок я могу вам завезти, если это срочно. Скажите куда?

– Я... я... – Она почему-то не могла выдать из себя ни слова.

– А еще лучше приезжайте на нашу подстанцию, знаете, на улице Чачиной? – предложил Артем. – Я оставлю листок в «аквариуме», ну, у диспетчера. Договорились?

– Где?! – изумленно спросила женщина. – На Чачиной?

– Ну да, практически это угол Генкиной, там еще напротив автомойка, – сказал Артем.

– Хорошо, – медленно выговорила она. – Спасибо. Оставьте, я заеду.

Артем положил трубку. Покачал головой.

Конечно, это может ничего и не значить, но...

Но лучше перестраховаться, чем потом каяться.

Ирина Филимоновна стояла рядом, всем существом своим выражая живейшее любопытство.

– В общем, так, Ирина Филимоновна, – сказал Артем. – Тут какие-то проблемы, давайте-ка их порешаем вместе. Городской телефон я выключу. – Он вынул вилку из розетки. – Не включайте его. Никому, слышите, ни-ко-му не открывайте дверь, кроме меня! Хоть пять «Скорых» приедут и две милицейские бригады.

– Полицейские, – перебила Ирина Филимоновна. – Теперь так их надо называть.

– Пять «Скорых», две милицейские бригады и четыре по-

лицейские, – упрямо сказал Артем. – Если что-то вам покажется – что-то не так, – звоните мне. Перед тем как вернуться, я позвоню вам и предупрежу, что еду. Из квартиры – ни ногой! Будут в дверь стучать – не подходите, пусть думают, что здесь никого нет. Когда стемнеет и вы захотите включить лампу – шторы задерните, чтобы свет на улицу не проникал. Понятно? Давайте номер вашего сотового, диктуйте. Я вам сразу перезвоню, мой номер у вас определится. Повторяю: немедленно звоните мне, если что-то пойдет не так!

Он достал мобильник и выжидательно посмотрел на Ирину Филимоновну. У бабули был совершенно сияющий вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.